
Ана
Руб
Бел

Анатолий Рубин

Белый мерседес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11634816
ISBN 9785447420727

Аннотация

У каждой эпохи есть свои герои, нет, скажем скромнее, персонажи. Наиболее колоритные из них появляются на переломе исторических эпох, формаций. Середина 90-х годов XX столетия была именно таким переломом в истории нашей страны, когда было выплеснуто столько интересных персонажей – ищущих себя, свое место в этом непростом мире. Данная книга – своеобразный литературный памятник этому ушедшему бурному периоду времени.

Содержание

От автора 5
Часть 1. 6
1. Человек ниоткуда 6
2. Вокзальные университеты 8
3. На столичных улицах 12
4. В общежитии 16
5. На ударной стройке 20
6. Правнуки лейтенанта Шмидта 25
7. Туалетный бизнес 29
8. Основатель КПСС 35
9. Неудачная попытка 39
10. Что делать дальше? 45
11. Приходите завтра 49
12. Поиски работы 52
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Белый мерседес
Анатолий Рубин

© Анатолий Рубин, 2015
© Вера Филатова, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Многие же будут первые последними, и последние первыми.
Евангелие.
От Матфея святое
благовествование, гл. 19.

У каждой эпохи есть свои герои, нет, скажем скромнее, персонажи. Наиболее колоритные из них появляются на переломе исторических эпох, формаций. Средина 90-х годов XX столетия была именно таким переломом в истории нашей страны, когда было выплеснуто столько интересных персонажей – ищущих себя, свое место в этом непростом мире!

Еще одна особенность этого времени – стремительное изменение в шкале ценностей и самосознания. Как быстро летит время и уже трудно поверить, что все это было совсем недавно. Сегодня мы уже другие. Более свободные и уверенные в себе. И уже нам смешно, какими мы были совсем недавно, доверчивыми и наивными. Мы стали забывать, что носили миллионы в кошельках. Хотя с другой стороны, не такие уж мы и новые, и все ли забыто?

Часть 1.
Найти себя

1. Человек ниоткуда

Видавшие виды милиционеры города N ощутили полную беспомощность, столкнувшись с молодым человеком. Мужчина лет тридцати, совершенно не помнил кто он, откуда и как оказался на дороге в этом городе.

Загадочно было само появление незнакомца. Его заметили рано утром, после прошедшего майского, теплого дождя, когда, промокший до нитки, он пытался остановить проходившие мимо машины. Одет незнакомец был просто. Так, как одета половина мужского населения России. Светлые брюки, рубашка в полоску и куртка-джинсовка. На ногах – кроссовки. Мужчина невнятно отвечал на вопросы прохожих и находился в состоянии шока. Милиция, заинтересовавшаяся этим странным человеком, выяснила, что у него нет никаких документов.

Незнакомец был явно не похож на бродягу. Выше среднего роста, нормального телосложения. Брюнет, светло-карие глаза с любопытством и некоторой насмешкой смотрели на окружающих, правильные черты лица. Нельзя сказать, что это было типично русское лицо, скорее в нем угадывалась великая смесь тех народов, которые теперь живут российской территории. Разговаривая со стражами правопорядка, мужчина вдруг зашатался и потерял сознание.

Среди немногочисленных бумажек и старых проездных билетов из кармана мужчины извлекли обрывок квитанции, в которой значилось: Крестовский Родион Георгиевич. Предположили, что это и есть тот самый гражданин.

Между тем, растерянные врачи больницы, куда его, в конце концов, доставили, терялись в догадках – небольшая травма головы абсолютно ничего не объясняла. От подобных ударов люди обычно не забывают прошлое. Его положили в палату, и он лежал, не понимая, что с ним. Немного кружилась голова, во всем теле ощущалась страшная слабость, и очень хотелось спать. Ему не хотелось реагировать на свет, звук, прикосновение. Медперсонал заходил в палату взглянуть на необычного больного. «Кома», – констатировал лечащий врач. Беспомощным был и поставленный диагноз: «Тотальная амнезия неизвестного происхождения». «Полная или частичная потеря памяти происходит в результате черепно-мозговой травмы, отравления ядовитыми веществами», – прокомментировал он после очередного осмотра больного.

– Мы не знаем, отчего потерял память наш пациент. Может быть, он неудачно упал и получил точечный ушиб мозга? А может быть, это влияние геомагнитных волн? Были на моей практике и такие случаи».

Сознание стало постепенно возвращаться к молодому человеку. Увы, он забыл обо всем, что с ним происходило до этого. На теле не было видимых повреждений. Первым его вопросом, когда пришел в себя, было: «Где я?!» С удивлением смотрел через окно на дорогу, на проносящиеся мимо машины, проходящих людей.

Нигде не болело, он нормально спал, хорошо с аппетитом ел. Утром разглядывал себя в зеркале и не узнавал.

Хотя к расследованию подключилась и область, вопросов стало не меньше. Был сделан запрос по России и странам ближнего зарубежья по поиску родственников этого человека.

По этому поводу поступило несколько заявлений, однако как выяснилось, они относились совсем к другим людям, пропавшим без вести.

Мужчина так ничего и не вспомнил. Не помнил ни своей фамилии, ни имени. Начисто забыл свое отчество. Он был как бы ниоткуда и лишь смутно помнил родителей и первые впечатления детства в большом городе, а все остальное для него как бы не существовало. Ему заново пришлось возвращаться в этот мир. Иногда он ставил в тупик докторов своими познаниями в медицине. Они откуда-то всплывали в памяти. Прошлое не приходило даже во сне. А будущее представлялось неясным и весьма расплывчатым.

– Я вот тоже иногда забываю все, что происходило со мной пять минут назад, – делился своими познаниями его сосед по больничной палате пожилого возраста по имени Иван Петрович, – хотя, например, помню до мельчайших подробностей все перипетии детства и юности.

Когда к ним в палату приходил врач, сосед, принявший близко к сердцу попавшего в беду молодого человека, спрашивал:

– Доктор, а может ему какие лекарства?

– Лекарства не помогут. Да и нет лекарства от амнезии.

Здесь следует сказать, что само явление амнезии до сих пор остается одной из главных загадок человеческого мозга. Хотя многие из нас раз в жизни, а может быть и не раз, но испытали ситуации, когда после приличного возлияния на следующее утро помнили происходящее только до определенного момента.

Но вернемся к нашему герою. Вначале его никак не называли, просто «больной». Но тут вспомнили про найденную квитанцию с фамилией.

«Это тот, кто не помнит ничего. Ну, Крестовский», – говорил следователь, зайдя в очередной раз в больницу. Потом так и записали в документах: «Крестовский Родион Георгиевич».

Иван Петрович долго присматривался к странному молодому человеку.

– Так, ничего не помнишь? А родителей? – допытывался он.

– Не помню.

Между тем, подходил день выписки. «Поехали ко мне в поселок», – неожиданно предложил Иван Петрович Родиону. «Ну что же, никогда не бывает поздно начать новую жизнь», – подумал Крестовский и согласился.

Жена Ивана Петровича встретила Родиона как родного сына. Он не стал нахлебником, за несколько недель выучился премудростям шабашки: штукатурил, клал кирпичи, плотничал. Прошлое возвращалось памятью рук и рефлексов. Увидев по телевизору американский боевик, смог перевести с английского, оказалось, что когда-то занимался фотографией. Пройдя все круги бюрократического произвола районной, областной администрации, миграционной, паспортно-визовой и прочих служб, он получил наконец, паспорт, но, самое главное, понял, что никому не нужен. Судьбой его абсолютно никто дальше не интересовался.

В поселке появление нового человека восприняли неоднозначно: соседи дружно решили, что он агент КГБ. Однажды они, надеясь проверить эту версию, напоили его водкой. Но что он им мог рассказать? Тем временем, кто-то залез в соседский огород. И все почему-то подумали на Крестовского.

– Тебе лучше уехать, – было решено на семейном совете. У Ивана Петровича оказался дальний родственник, живущий в Москве и работающий комендантом одного студенческого общежития.

– Поезжай Родион в столицу. Большому кораблю – большое плавание, – говорил его благодетель.

2. Вокзальные университеты

Крестовский приехал в Москву поздним вечером. Ехать сразу к родственнику Ивана Петровича он не решился и остался на вокзале.

Вокзал жил какой-то своей особой жизнью. Одни люди уезжали, другие, наоборот, прибывали. Одни очень спешили, вероятно, на отходящий поезд, другие наоборот, никуда не торопились и старались убить время. Последних было явное большинство. И вот в этой людской круговерти оказался наш герой.

Родиону бросились в глаза неряшливо одетые стайки людей. Они обычно мирно сидели или стояли с протянутой рукой. Оборванные, грязные и часто пьяные. Глядя на них, у Крестовского рождались мысли о резервациях.

Родион обошел привокзальную площадь.

– Бла-го-тво-рительная лотерея…, – затянула девица, охватив Крестовского цепким профессиональным взглядом.

– Внимание! Кооператив «Мираж» начинает свой тираж, – раздалось перед залом ожидания. – Плати, не ломайся, потом наслаждайся!

И снова:

– Смотри внимательно! Приз получишь обязательно!

Так зазывал к себе симпатичный блондин лет двадцати пяти, изящно двигая несколько карт по куску картона на раскладном туристическом походном столике. Он подозвал Крестовского к себе.

– Постой, пожалуйста, у стола. Просто для массовости, а то народу нет.

Крестовский сделал пару шагов к «столу». Парень назвался Григорием и поведал, что тут все легко: просто надо из трех карт угадать черную масть. «У кого хорошее зрение, тому будет премия!», – не забывая о своей работе, выкрикивал тем временем парень.

– И много зарабатываешь?

– Конечно, не так, как раньше, но на хлеб хватает. Да и видишь, сколько гавриков, им тоже нужно. Совсем рядом находился еще один профессиональный игрок и крутил барабан с лотерейными билетами.

Это было видно придумано очень умным человеком. Как в «Спортлото» крутился барабан, выпадали шарики, на которых были написаны номера. Стояла довольно приличная группа зевак и несколько взволнованных игроков. У кого совпадал номер, тот выигрывал. Каждому номеру была присвоена определенная сумма выигрыша.

Через полчаса Крестовский познакомился и с ним. «Барабанщик», как называли его на определенном жаргоне, оказался словоохотливым и легко шел на контакт. Как вскоре узнал наш герой, «барабанщик» и его бригада, в несколько человек, приехали в Москву из братской Украины.

– А что в самостийной? – поинтересовался Крестовский, – мало доверчивых?

– Да нет, там меньше доход и милиционеры мешают.

– Наверно трудно втянуть прохожего в игру?

Главное, чтобы он купил жетоны. Человеку надо говорить о том, что ты его любишь, тогда он легко отдаст свои деньги.

– А как с уголовным кодексом? – полюбопытствовал Крестовский.

– Только административное взыскание в виде штрафа.

– А бывают проколы?

– Бывают. Но их гасим. Успокаиваем проигравшего, если надо на дорогу дадим, и водки с ним выпьем.

– Ну а милиция не гоняет?

– «Чужим» милиционер не бывает. Потому, что он тоже понимает, что если мы здесь работаем, то значит, нам разрешили. Зачем ему ссориться, прежде всего, со своими коллегами?!

– Не жалко вечно проигрывающих людей?

– Нет, не жалко. Я их не заставляю играть. Они хотят на халяву выиграть. Просто их немного лечу от жадности.

«Не самая дешевая медицина», – подумал, но ничего не сказал Крестовский. Конечно, все зависит от точки зрения. От того пресловутого угла зрения, преломления, как хотите называйте, под которым человек смотрит на окружающий мир с высоты своего житейского интереса. Для милиционера, например, весть мир делится на обычных людей и преступников, у врачей – на больных и здоровых. Небольшое количество профессиональных мошенников живет за счет множества простаков в полной гармонии с законами природы. Говоря образно, на то и щука в озере, чтобы карась не дремал, чтобы был легок на подъем, не обрастал жиром.

Вокзал жил своей ночной жизнью. В это время какие-то парни с квадратными челюстями честно отрабатывали свой хлеб, нанося профессиональные удары кулаками по почкам, ребрам и в грудь какому-то тщедушному, но стойкому мужичку. Он не сопротивлялся, но не уходил с «ринга», пытаясь что-то видно доказать.

– Смотри, вора поймали, – прокомментировал ситуацию Григорий, хотя Родион минут десять тому назад видел, как эти же молодчики шарили у него по карманам.

Прошло еще полчаса и уже в другом конце зала, у другого «стола» вспыхнуло легкое недоразумение.

Молодой человек кавказской национальности что-то стал громко возмущаться и горячо доказывать. Парни, минуту тому назад мирно дремавшие в углу на скамейке, тут же вскочили и повторили ту же самую операцию, что и с мужичком. Прилично нокаутировав и почистив карманы, они вытолкали его к дверям зала ожидания, чтобы, не дай Бог, не опоздал на поезд.

Самое главное в шулерстве – втянуть игрока в игру. Делалось это просто и даже изящно. Мошенники и жертвы – единое целое, они чувствуют друг друга и неисповедимыми путями стремятся навстречу. Крестовский наблюдал, как у палатки с лотерейными билетами, к даме-туристке, видно приезжей и одетой по последней китайской моде, подбежали два парня и, темпераментно жестикулируя, заголосили: «Девушка! Только на вас последняя надежда! По глазам видим – у вас легкая рука! Вытащите билетик, а то нам не везет!»

Женщина вытащила. Парни развернули бумажку и, получив, в соседнем ларьке выигранные триста тысяч, рассыпались в благодарности, а на прощание подарили благодетельнице нераспечатанный билетик.

Та раскрыла билетик, и ее лицо озарила счастливая улыбка. Она выиграла. Выигрыш был мизерный, всего пятьдесят тысяч. Но какие – никакие, а деньги, и отправилась к хозяйке палатки за причитающимся призом.

– Пятьдесят тысяч – это лишь полставки, – объявила женщина за барабаном, – вам надо подождать еще одного такого приза и вы получите сто тысяч на двоих.

– Ждать?

– А ждать и не надо, – обрадовано проговорила продавщица, – вон молодые люди стоят. У них точно такой же билетик.

– Отлично, – женщина была довольна.

– Э, нет! – потирая руки, отрезвила ее лотерейщица. – Выигрыш надо купить с аукциона. Победитель возвращает свои вклады, получает все деньги проигравшего и сто тысяч в придачу.

Далее она сообщила, что со всего этого она должна получить два процента за организацию турнира.

– Какие проблемы, ребята? – обрадовано заявила дамочка-туристка. – Кладу две тысячи и делим этот призовой выигрыш.

Но тут компания заартачилась и потребовала большой игры. Крестовский, немного расслабившись, с интересом ожидал дальнейшего развития ситуации. «Ну что ж, – рассудил он про себя, – вероятно, за науку никаких денег не жалко».

Игра шла разухабисто. Деньги лились нескончаемым потоком. Этот ручеек, начавшийся с нескольких тысяч, в считанные минуты набух до несколько десятков миллионов рублей.

Парень-конкурент довольно долго переминался с ноги на ногу, артистично тяжело вздыхал, отчаянно махал руками и лез в очередной раз за бумажником, доставая оттуда пачку денег.

Родион с некоторым сожалением смотрел, как дамочка входила в раж.

– Ну, посмотрите на него! – обратилась она в сторону противника. – У него наверняка больше нет ни копейки. Сейчас я его дожму!

Тип, помявшись еще секунд пять, полез в другой карман, вероятно, за последней и решительной суммой.

– Ребята, вы меня все равно не обыграете. У меня денег больше, чем у вас всех, вместе взятых. Вы знаете кто я? Буфетчица с корабля дальнего плавания. – В творческом угаре говорила женщина подставным игрокам.

Потом она сняла с пальца кольцо с бриллиантом в несколько каратов, поставив его на кон. Потом второе. Но мошенники не проигрывали… Буфетчица мучительно осознавала ужас своего поражения.

Лотерея здесь на вокзале оказалась самым распространенным видом мошенничества, а аукцион – главная его часть. Самое интересное, что в мошеннической лотерее все билеты были выигрышные. Взяв билет ради любопытства, уйти несчастный уже не может, игра идет по принципу «в руки берется – назад не отдается». Эти наблюдения, как нельзя лучше, характеризовали наблюдательно-философский склад мышления Крестовского.

Дежурка местного отделения милиции работала в режиме боевого поста. Патрули заламывали регулярно руки за спины, энергично препровождая добычу в камеру предварительного заключения, называемого в служебном лексиконе, как в прочем и в простонародье КПЗ. (Название этого учреждение еще встретится в нашем повествовании). Для некоторых граждан романтические грезы о дальних странствиях разрушались так же легко, как исчезали лужи под ярким солнцем.

Родион обратил внимание на молодую миловидную девушку. Та стояла у стены и тихонько всхлипывала.

– Девушка, вам плохо? Может быть нужна помощь? – участливо спросил он.

– Ничем вы мне не поможете, – всхлипывая, ответила та, и немного успокоившись, рассказала свою историю. Ее звали Таня, она приехала из Брянска в Москву за «дешевыми» шмотками. Здесь в Лужниках на рынке вещи стоят намного дешевле, чем у них, на брянском рынке.

Прямо на столичном вокзале к ней подошла женщина средних лет и слезно попросила купить в одном месте в палатке 10 женских кофточек, 50 тысяч за штуку. Ей, дескать, не продают, так как она берет на продажу.

«Вы купите мне, а потом отойдем в уголок, и отдадите мне эти блузки, а я вам деньги». Таня, конечно, решила помочь женщине. Она была доброй девушкой. Как не выручить человека. Но как только она купила на свои деньги 10 кофточек и подошла к установленному месту, чтобы их отдать, незнакомка «испарилась». И вот теперь Таня стояла с этими злосчастными кофточками и не знала, что с ними делать.

Вскоре оказалось, что цена этим кофточкам всего двадцать тысяч.

– В милицию обращалась?

– Обращалась.

– И что там, помогли?

– Сказали, таких как я – тысячи. Будут искать. Если случайно найдут, то сообщат.

– Ну и что ты собираешься делать дальше?

– Еду домой.

– Правильно. А кофточки продай, вернешь часть денег. Ну не повезло, будешь в следующий раз, более острожной.

Через некоторое время Родиону предложили сыграть в карты – в дурака.

– Ты откуда, парень?

Крестовский, уже хорошо понявший здешние законы, на всякий случай сказал, что из Калуги.

– Ну и прекрасно, давай, сыграем в калужского дурака…

Буквально за ночь Родион прошел курс университета жизни. Он понял и другое – на московских вокзалах без особой нужды находиться не стоит. Это вредно со всех точек зрения.

3. На столичных улицах

Утром Крестовский быстро нашел родственника Ивана Петровича и хоть тот свалился ему на голову так неожиданно, но не растерялся и в этот же день Родион уже был поселен в студенческое общежитие.

Ему была выделена отдельная комната с ванной и туалетом. Верхний свет не работал, и работать не мог, зато имелась настольная лампа, которая включалась и выключалась без видимых замыканий. Открыв дверь ванной, он увидел тучные стада тараканов, которые кинулись врассыпную по побитому временем и прежними жильцами кафелю.

Первые несколько дней Родион ходил по столичным улицам и площадям, вздыхая воздух такой знакомый и незнакомый.

Москвичи были энергичны и деятельны, жизнерадостны и приветливы. Его первые впечатления? Москва – город контрастов. Город богачей и бедняков. Здесь пересекались все российские пути – дороги и судьбы, находилась высокая власть, у которой одни – ищут правду, другие, каких большинство – покровительство. В Москве сосредоточен иностранный капитал: на каждом шагу крупные коммерческие банки, биржи, иностранные фирмы, АО, СП, магазины, предприятия. Здесь же концентрируются и криминогенные мафиозные структуры. Воротилы теневого бизнеса перебираются и обустраиваются в Москве. Акулу гораздо сложнее выловить в океане, нежели в маленьком прудике.

Именно здесь больше всего пенсионеров, которые влачат жалкое существование, бомжей, стекающихся со всей страны. Там, где есть богатые, всегда найдется кусок и объедки для бедных. Сюда стекаются и беженцы, которым бежать уже просто некуда. Они живут без завтрашнего дня, и засыпают с мыслью: слава богу, что пока над головой есть крыша, а желудок наполнен какой-то пищей. Здесь богатые магазины и супермаркеты и шикарные особняки соседствуют с ветхими домами.

Крестовский с большим интересом гулял по городу. Похоже, что в Москве народ хронически был болен безостановочной ходьбой и разного рода передвижением. В любое время дня и ночи на улицах города расхаживает столько народу, что ему временами было просто непонятно: работает ли сейчас кто-нибудь.

Оказавшись на Красной площади и смешавшись с группой туристов, он слушал экскурсовода:

– …Красная площадь – это неповторимый по красоте архитектурный ансамбль… В 1804 году площадь впервые замостили булыжником. Кремль строился с 1485 по 1495 год… На деньги Дмитрия Пожарского в 1620-е годы был возведен Казанский собор…

Когда человек оказывается в огромном городе, в котором его окружают большие дома, и он ходит по широким улицам, то у него невольно возникает иллюзия порядка и глубокой целесообразности жизни. Раз все вокруг так упорядоченно: автобусы, трамваи, поезда метро ходят по расписанию, дома пронумерованы, горожане регулярно ходят строго в определенные часы на работу, значит, и сама жизнь подчиняется какому-то внутреннему расписанию и человеку в этой жизни есть свое место.

Он был как в родном городе. Хотя педанты утверждают, что полноценным москвичом может считать себя только тот, чей прапрадед вовремя подсуетился и получил постоянную прописку в пределах Кремлевской стены. По другой более гуманной версии – в этом городе достаточно просто родиться. Ну, а в жизни все проще: вы живете здесь месяц, второй, третий, учитесь, работаете, ездите в метро, ходите по улицам, покупаете продукты питания, и вдруг становится совершенно не важным, откуда вы сюда прибыли из Жмеренки или из Женевы. Он не первый и не последний, кто приехал сюда в поисках лучшей жизни. Видно, это мечта всех провинциалов.

На станциях пригородных электричек и переходах хохлушки вовсю торговали семечками. Они орудовали какими-то хитрыми – обрезными стаканами. Стакан всегда стоял утопленным в семечках так, что выставлялся его венчик, и создавалась иллюзия его полноценности. Но когда доверчивый любитель пощелкать семечки платил за них и подставлял свой большой карман, то получал примерно на треть меньше ожидаемого.

К нему приставали цыганки, предлагавшие дешевые кожаные куртки и для пущей убедительности представляющиеся болгарками. Но, наученный опытом, он не останавливался и даже не замедлял хода ни возле них, ни возле уличных продавцов, пытавшихся всучить ему калькуляторы, деловые наборы, туристические путевки почти даром в связи с изучением рынка.

Как-то раз Родион решил доехать до центра на троллейбусе. На остановке он встретил спившегося, полураздетого, грязного, вонючего, но гордого бомжа, который хлебал из горлышка водку, пританцовывал и пел: «Аы-аы-аы. Т-т-т. Аы-аы. Ух. Аы-аы-аы!. Т-т-т. Тара-тара-тара-тара-тара-таратам. А-тае-вве… Авторское телевидение». Задушевная песня была богато сдобрена вставленными в мелодию оглушительными отрыжками из гласных звуков и удачно вставленными в мелодию нецензурными выражениями.

Подхваченный толпой, Крестовский лишился самоуправления и был внесен ею в троллейбус.

Троллейбус мерно потряхивало на ухабах. Родион несколько забылся, уйдя в свои мысли, но тут две приятельницы обнаружили, что едут – какое счастье! – в одном троллейбусе. Давно видно, как отметил про себя Родион, не встречались. И громко, словно, никого рядом не было, стали обсуждать свои житейские проблемы:

– Слушай, а Николай-то, – второй раз развелся!

– А Ленка Костина!.. Не знаешь? Она уже ушла от мужа, родила и живет с другим!…

Крестовский, не выдержав такого душевно-бытового стриптиза, продвинулся на несколько метров вперед.

Проехав остановку он заметил возникшего рядом билетного контролера. Собиравшись рассказать какую-нибудь историю, чтобы не платить штраф, он решил сначала внимательно ознакомиться с протянутым ему удостоверением. И не напрасно. Выяснилось, что наличие проездных документов проверял работник управления коммунального хозяйства в чине слесаря – некий Фигурков Алексей Иванович.

– Коллега! – присвистнул Крестовский.

– Чего? – не понял тот.

Приглядевшись к поборнику билетной справедливости, Родион обнаружил, что он, как и подобает слесарю в рабочее время, был слегка нетрезв.

«Лжеконтролер», поняв, что фокус не удался, под одобрительные возгласы особенно безбилетных пассажиров поспешил поскорее выйти из троллейбуса.

Троллейбус двигался по маршруту…

– И куда это все едут? – нарушила наступившую тишину бабуся с авоськой бутылок, задав свой риторический вопрос.

Люди вообще любят, когда кто-то говорит сальности и безобидно хамит – в конце концов это человек выражает их робкие догадки о сущности этой жизни.

Не получив ответа, она отправила дальнобойный снаряд ругательств против демократов, коммунистов и жидов. Исчерпав список «общих» врагов, старуха перекинулась на ближних.

Прошлась стремительным огнем по лимитчикам, заполнившим городской транспорт, по молодежи, которая ничего не хочет делать, а только заниматься бизнесом.

Народ ни гу-гу. Молчали мамаши с притихшими детишками, мужчины не отрывали глаз от раскрытых газет.

Родион не выдержал:

– Извините, мамаша, нельзя ли помолчать, здесь же дети!

– Это ты мне? – старуха, получив «творческий импульс», стала заворачивать еще круче.

Крестовский был уже не рад, что сделал ей замечание. А тут рядом с фурией возникла здоровенная фигура какого-то опухшего детины.

– Ты зачем маму обижаешь? – угрожающее он склонился над Родионом, дыхнув на него сильным перегаром.

Троллейбус еще стоял, когда к нему обратился мужичина в галстуке:

– Вот вы бы, молодой человек… Ведь вот вы интеллигент… Демократ, может быть… Взяли бы хулигана за шиворот. А вы…

Крестовский не дослушав направился к выходу и вышел на первой же остановке.

…Сирень, распустившаяся в скверике у Большого театра, пахла бензином. Ее вид был так печален, что никто не делал попыток ее обломать. Этим поздним вечером площадь была пуста. Ни прохожих, ни бомжей, ни милиционера. Он свернул на Петровку. Опять та же пустынная улица, только манекены, плавающие в глубине зеленовато-голубых витрин «Ле-Монти». Откуда-то из переулка сильно шатаясь, показался пьяный мужчина. Дойдя до фонаря рядом с рекламой «Высокая мода из Германии» он ухватился за него руками как утопающий за соломинку. Его лицо было белым как у Пьеро, и это была не игра света уличных светильников.

Крестовский прошел к Пушкинской площади. Здесь уже заняли рабочие места исполнитель романсов под гитару с картонной коробкой под ногами, продавцы книг от камасутры до маркетинга и парочка, восхваляющая бога в стихах. Все были нацелены на кошельки прохожих. Вероятно, догадываясь, что у него нечего взять, они не усердствовали при появления Родиона.

Откуда-то вынырнули два солдата в грязных бушлатах. Думал, попросят закурить, но нет:

– Дяденька, дайте на хлеб.

…В пешеходном переходе через Тверскую у гостиницы «Минск» он не поверил своим глазам. Порой наступает такой момент, когда встречается что-то необычное, экзотическое: нет, не жираф, не крокодил – черная женщина. Родион почувствовал близость африканского континента. Темно-тропическо-экзотическое доминировало над общепринятым бледно-белым. От нее пахло чесноком и квашенной капустой. И если бы его глаза были закрыты, она вполне могла сойти за пышнотелую девицу из глубинки. Но его глаза были открыты, а она была из Африки. Чернокожая губастая, сверкающая белоснежными зубами и бесчисленными черными косичками на голове. Крестовский остановился как вкопанный.

– Плиз, 100 долляров один тяьс, – пролепетала она, оглядывая его с ног до головы. По его лицу заскользил взгляд темнокожей «ночной бабочки».

«Поистине секс стал международным: наши к ним, они к нам. Так и тянемся, так и меняемся», – подумал Родион, – «Русский мужик экзотику любит, его только приручить надо».

Стоящая тут же рядом белая девица, по всему видно конкурентка, громко прошипела:

– Нормальный мужик с ними не пойдет. Ну, уж если самоубийца какой. А что касается экзотики… Я гуталином натрусь – вот тебе и экзотика…

…На город спустился вечер. Правила движения на ночных улицах противоречат дневным правилам пешеходного движения. Человек, идущий по центру проезжей части, лучше всего по трамвайным путям, подобен парламентеру, шествующему по нейтральной полосе. Всем своим видом он говорит: «Вот он, вот его честное лицо, он не нарушает ничьих территориальных границ, и вы дайте ему пройти спокойно. Если хотите подойти ко мне – перейдите через освещенную проезжую часть: я посмотрю, чего вы стоите».

Утверждают, что многие нападения на ночной улице совершаются потому, что нападающий хотел всего лишь пообщаться с идущим, но не знал, как!

В одном из безлюдных переулков к Родиону подошли двое молодых мужчин и вежливо попросили его вызвать одну знакомую им девушку из соседнего дома. Они искательно заглядывали ему в лицо и объясняли, что, мол, проблема с ее родителями. Они взъелись на нее. История показалась Родиону вполне банальной, но не на темной безлюдной улице. Он уже было поддался на уговоры, когда вдруг один из несчастных влюбленных, неосторожно повернулся к свету фонаря, показав свое лицо…

Мимолетного взгляда Крестовского вполне хватило, чтобы понять, что никакой знакомой девчонки поблизости нет, а есть трудное детство и по крайней мере года три в колонии. Конечно лучше уступить дорогу собаке, чем дать ей укусить себя, настаивая на своих правах. Даже если вы убьете собаку, укус останется укусом.

– Нет, братцы, извините, – расплылся он в улыбке. – Спешу, ничего не выйдет.

Добрые и заискивающие выражения на лицах как водой смыло. Они угрожающе надвинулись на него.

– Снимай катки, – сказал сердито один. – Ну, быстро…

– Что, простите? – удивился Крестовский, с трудом понимая сленговый синоним слова «ботинок», и сделав одно неуловимое движение, рванул через улицу.

Пробежав метров пятьдесят, уже на другой стороне улицы поворачивая за угол, он обернулся. Понял, что бежал зря. Товарищи, позарившиеся на его одежду и кошелек, представляли собой довольно пошлую картину: один стоял на коленях и никак не мог подняться с земли, другой в скорбящей позе стоял поблизости, излучая гуманизм и миролюбие. Преследовать его никто не собирался…

Но не думайте, что от головорезов ему удалось уйти благодаря какому-нибудь навороченному приему из арсенала самбо или восточных единоборств. Это было совсем не так. Неприятностей он избежал благодаря баллончику со слезоточивым газом, которым его заботливо снабдил перед поездкой в столицу Иван Петрович. «Там много хулиганья, а это выручит», – напутствовал он, и как в воду смотрел.

4. В общежитии

Считается, что у проживавших на Земле за последние 50 тысяч лет 800 поколений, 650 поколений провели жизнь в пещерах, 400 – применяли огонь, 200 – использовали энергию животных, 80 – жили в домах…

Иметь комнату, даже в общежитии все равно было большим делом. Родион быстро освоился и перезнакомился со своими соседями.

Общежитие, конечно, не высший класс, но все же крыша над головой.

Стипендию в институте, в котором учились проживающие в общежитие студенты, частенько выплачивали большой с задержкой, но зато, когда ее выдавали, это был большой праздник. Серая общага сразу преображалась, а ее жители приобретали здоровый цвет лица и нездоровый блеск в глазах. На столах пшенную кашу сменяли пельмени, макароны с натертым сыром, появлялся хлеб и сахар.

Когда все наедались досыта, то возникало желание выпить и повеселиться. Веселая гулянка продолжалась до тех пор, пока в карманах что-то оттопыривалось, а потом ребята сдавали бутылки и покупали хлеб. После этого ждали чьей-нибудь посылки из дома.

«И что же? – спросите вы, – кто были соседи Родиона?» Ему повезло, он поселился в небольшой комнате, где жил один. Общежитие жило своей особенной, размеренной жизнью и вскоре Крестовский стал ее непосредственным участником.

По ночам из-за двери напротив раздавался могучий храп. Большинство храпунов имеют излишний вес, пьют, курят. Даже в былинах об Илье Муромце повествуется о его «богатырском храпе». Кроме этого естественного человеческого порока Родион также познакомился с теорией кууптации. Кууптация – искусство научного бытия.

Виновниками этого стали два молодых человека, которые занимали комнату справа. Оба приятеля были ярыми кууптаторами. У большинства населения страны сложилось мнение, что студенты – это бледные, зеленые от грызни бананов, денно и ношно корпящие за письменным столом в библиотеке и дома люди. На самом деле все совсем не так. Это были жизнерадостные молодые люди. Они хорошо учились, ходили на все тусовки и самое главное постоянно кууптировались. Да. С утра до вечера и с вечера до утра, жертвуя здоровьем ради великого дела Учи Контейнеровича Румчерода. Уважаемый читатель, не подумай чего-нибудь дурного. Сразу от научного определения этого слова перейдем к бытовому. Кууптация в обыденном понятии это особое искусство жить, веселясь и радуясь всему миру и остроумно поддразнивая его, когда он становится совсем невыносим. У кууптаторов жива была легенда о том, как зародилось данное движение. Рассказывали, что якобы это произошло на острове Науру 3 марта 1943 года. Именно тогда был образован Международный кууптационный центр, где все развеселые студенты и состоят. Девиз кууптаторов придумал все тот же великий Уче Контейнерович Румчерод. Он ему приснился нарисованным на огромном зеленом полотнище: «Рум dum cuuptiro spero», что в переводе на русский означает «Пока кууптирую, надеюсь».

Каждому кууптатору положено было иметь кличку. Например, Василий отзывался на имя Гад Иванович Наглый, а Николай иногда торжественно представлялся Кретин Попугаевич Тактебятресну. Среди их знакомых были не менее звучные и выразительные имена. Например, Лысый-жаб Таксопаркович Номерной или Ошейник Геморроевич Сукин-сан.

Кууптаторы очень не любили гиппотатов, или «злобствующих гиппотационных сморчков», а именно, гадкого профессора, поставившему на экзамене «неуд», или преподавателей военной кафедры, заставлявших брить любимую козлиную бородку.

Родион очень заинтересовался новым студенческим движением и несмотря на иронию, сквозившую в каждом его слове, сказал:

– А что, я, наверное, тоже мог бы войти в руководящий состав вашего союза.

Его сосед слева Максим, или просто Макс, писал стихи. Особенно они ему удавались в слегка подвыпитом состоянии, но лучше даже когда доза была больше. Он мог поднимаясь пешком на шестой этаж сочинить стихотворение, как впрочем, и спускаясь.

В своей комнате он написал размашисто через всю стену ломаными неровными буквами: «Я, Максим Степанов, возможность трезвой жизни отрицаю!..»

История как Макс, выпивал с «классиками» была известна всем. Он снял со стен коридора портреты Пушкина, Лермонтова, Есенина, Блока и отнес в свою комнату, расставил у стены и стал с ними выпивать. Им наливает и себя не забывает. Да, с каждым чокается: «Ваше здоровье, Александр Сергеевич!.. Ваше, Михаил Юрьевич!..» Заходившие в комнату друзья решили его остановить. «Эй, Макс, ты чего наклюкался?» Максим был настроен решительно. Выставляя их за дверь, он объяснял свое поведение: «Ребята, не мешайте. Видите, с классиками беседую, с равными себе».

Однажды он пришел с книжечкой.

– Подари, с автографом – пристали к нему.

– Не могу. Тираж небольшой: всего два экземпляра. Один для автора, другой для издателя. На самом деле был сделан всего один экземпляр. А в переплетной мастерской он его переплел.

– Как называется хоть?

– «Первая» книга. Так и называется.

– «Первая»?!

– После моей смерти подлежит обязательному уничтожению. Такова моя воля.

Книга ходила по рукам, и читалась не потому, что это шедевры поэзии, а потому, что там были стихи про них.

Его любимым поэтом был Николай Рубцов, а любимым стихотворением, в котором были следующие строчки:

Мы сваливать не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет, тот и правит,
Поехал, так держись!..

Вот какие интересные люди окружали нашего героя. Но круг его знакомства продолжал расширяться. Однажды дверь его комнаты отворилась.

– Я буду здесь жить, – нагло сказал молодой человек с лицом ангела.

– Исчезни, – велел Родион и попытался захлопнуть дверь. Его наваждение легло грудью на дверь и с силой давило ее внутрь.

– Не уйду, – сказало оно, – мне некуда идти.

– Сверх нахальства, – Крестовский был поражен. Вломиться в чужую комнату и говорить, что будет здесь жить. Он узнал в этом нахале юношу по имени Лео, проживавшего выше этажом и с которым по какому-то случаю познакомился не так давно.

– Мои вещи выкинули из общежития. Мне очень стыдно тебя беспокоить. Но мне в самом деле некуда идти.

Тяжелые испытания научили Лео подбирать отмычки к чужим сердцам. Родион вздохнул и сказал роковую фразу:

– Заноси вещи.

Вечером Лео перенес вещи, а ночью притащил самое дорогое, что у него было свою – Ксю.

Беспристрастные наблюдатели никак не могли понять, что объединяло Родиона, Лео и Ксю. Дача денег отвергалась по причине их полного отсутствия у влюбленных.

Не была принята версия и о любви втроем: его сосуществователи были слишком полны друг другом, чтобы разменяться на кого-то третьего.

И Родион оказался в центре чужих страстей. Он понимал, что ужаснее всего для любви – бездомность.

Здесь нужно несколько слов сказать о Лео и Ксю. Вообще-то у них были имена и фамилии. Лео имел имя Леонид, а Ксю – Ксюша. Они сами придумали себе имена и постепенно все остальные окружающие стали их так называть.

Лео занимался коммерцией – но ему никогда ни в чем не везло. У него были глаза ангела, сердце поэта и прошлое уголовника. Когда-то в юности он взял на себя вину старшего брата, у которого была семья, и отправился в колонию. Теперь же Лео постоянно впутывался в темные истории. Целью его жизни было не больше не меньше – получить Нобелевскую премию по литературе. «Уж тогда, они будут кусать локти, что отказали мне в публикации моих повестей», – говорил он.

Но каждый из фантастических проектов Лео терпел фиаско, и заканчивалось дело тем, что они брали билет на электричку и ехали в Тулу в гости к маме Ксю – покушать досыта.

В общежитии многие не знали, кто такие Ромео и Джульета, но кто такие Лео и Ксю знали все. Они иногда ссорились и расставались, но спустя некоторое время возвращались друг к другу, как лесные олени ведомые шестым чувством. Друзья им советовали пожениться, но это было почти безнадежным делом.

Набор вещей, который они притащили в комнату Родиона, был прост и краток, как правда. У них были: сковородка, чайник, холодильник, небольшой шкаф и раскладывающийся на три части небольшой диванчик.

Каждое утро начиналось с ясно слышимого голоса Ксю из-за шкафа.

– Лео, можно тебя попросить?

Да.

Женись на мне.

– Я женюсь на тебе, когда стану знаменитым, – слышалось в ответ.

– Лео, тебе уже тридцать. Все женщины, которые тебя любили прежде, бросили тебя. Мы уже вместе два года. Разве этого недостаточно, чтобы пожениться?

Лео ел приготовленную яичницу, и уходил по делам, обещая Ксю скоро вернуться на новеньких «Жигулях». И Ксю рвала фотографии Лео, которые хранила в коробке от конфет, потом склеивала и аккуратно складывала обратно в коробку. Иногда она читала учебник.

Однажды Ксю поманил неверный блеск бриллиантов и она исчезла в малоизвестном направлении. Ее не было неделю и, когда Лео уже не знал куда идти и к кому обращаться, она явилась. Поставила в вазу цветок, посмотрела через зеркало на синяк на плече. Крестовский ни о чем ее не спрашивал. Пришедший вскоре Лео синяка не заметил и был счастлив встрече безмерно.

В это самое время Лео запал еще на одну идею: продать американскому миллионеру модели детской одежды, которые он тут же сам и нарисовал. Даже нашелся человек, который в считанные дни брался оформить визу. Но в который раз ему не повезло. Однажды дверь в комнату Крестовского распахнулась и на него двинулась незнакомая монголка, торжественная и непреклонная, как танк или, на худой конец, бронетранспортер. «Я пришла отомстить, – заявила гордая дочь пустыни Гоби. – Тот парень, с которым Лео договорился о визе, визы не оформляет, а рисует! Я уже пошла с такой визой в посольство – еле оттуда ноги унесла. Сейчас к вам явятся из органов облаву на вас делать». Родиону вовсе не улыбалось попасть в облаву, да еще компетентных органов, он уже начинал корить себя за то, что связался с этими влюбленными.

– Ксю! – завопил Крестовский, – Когда вы с Лео прекратите устраивать на моей жилплощади цирк!

Весь вечер и часть ночи вооруженные автоматами люди в форме ждали появления Лео. Под охраной боевого оружия Ксю угрюма молчала, а Родион пытался смотреть телевизор. Лео не было. Не дождавшись его, компетентные органы составили протокол и потребовали, чтобы Лео явился завтра по указанному адресу в назначенное время.

Лео явился через десять минут после того, как ушли автоматчики.

Забегая немного вперед, скажу, что финал этой истории был таков. В один прекрасный день Родион, вернувшись в комнату, обнаружил на столе ключи от дверей и записку. «Спасибо за все! Твои навсегда Лео и Ксю». Вообще-то он ожидал этого. Лео и Ксю наконец-то поженились и им выделили комнату в семейном общежитии. Стало даже как-то сиротливо. Крестовский слегка взгрустнул.

5. На ударной стройке

В принципе можно найти сотни относительно безопасных способов зарабатывания денег. Рыночные отношения предоставляют полную свободу действий и поступков, связанных с той сферой деятельности, которая раньше фиксировалась в милицейских протоколах как спекуляция. Можно, конечно, применить вариант «блюдца с голубой каемочкой», отбросив как анахронизм, скрупулезное добывание компромата на «новых Корейко». Можно заняться извозом или стать «общественным контролером» на наземном муниципальном транспорте, откатав на ксероксе «удостоверение». Однако эти способы требуют какого-то стартового капитала или средств технического обеспечения. «А что делать? – думал Родион. – Если в кармане нет ни гроша, но желание завладеть энным количеством дензнаков становится не самоцелью, а естественным желанием выжить в этой суровой жизни. Конечно, можно использовать свои природные способности, а именно – мускульную силу и выносливость. Здесь принцип простой: бери больше, кидай дальше».

– Каменщик, говоришь? – внимательно рассматривая ладони Крестовского в понедельник утром, задумчиво и лениво говорил почесывая за воротом своей выцветшей милицейской рубахи, майор Добролюбов.

– Так и быть поедешь на КПЗ. Родион вначале даже слегка был ошарашен от этого предложения. Его знакомый предложил ему подзаработать на строительстве дачи. А тут… в КПЗ?!

Мы работаем не «от» и «до», а сколько надо. Согласен? Строить предстояло новую загородную виллу очень большому начальнику, который носил на плечах милицейские майорские погоны и ключи от камер изолятора временного содержания.

Как ему объяснил знакомый, эта шабашка соответствовала прежнему статусу ударной комсомольской стройки, но, конечно же не потому, что возведение дачи для майора имело всероссийское значение. Просто майор оформил развод и свою старую виллу благородно оставлял супруге.

Встав рано утром, он благополучно на загородном автобусе добрался до того места, которое называлось КПЗ.

– Это что, конспирация такая?

– Чудак! – похлопал его по плечу парень в грязной спецовке, которого все называли Серый. – Такая у майора традиция: он все свои места работы называет КПЗ.

Трудовой коллектив, в который влился наш герой, сразу изменил его представления о современной шабашке. Он не увидел здесь угрюмых и заросших щетиной лиц, не было здесь и стойкого запаха перегара. Совсем напротив – с раннего утра стройплощадка, огороженная высоким забором из колючей проволоки, дышала трудовым энтузиазмом. Ровно к восьми ноль ноль – на зависть давно сидящего без работы местного стройтреста – подвозили раствор в импортной полиэтиленовой упаковке. Засучив рукава «сокамерники» Крестовского брались класть кирпич: шутка ли, за каждый уложенный кирпич хозяин платил в твердой валюте четверть доллара, если при этом учесть, что за трудовой день каменщик средней квалификации укладывает в среднем 500 кирпичей. Было легко подсчитать, что даже в Америке не снятся такие высокие заработки. Да, шабашить – не у станка стоять на каком-нибудь акционированном обанкротившемся заводе.

Здешние порядки Родиону объяснил все тот же парень в спецовке, не забывая при этом укладывать кирпичи.

– Раньше милиционерскому начальнику арестанты – пятнадцатисуточники и подследственные дачу строили. Но теперь новые времена, новые отношения. Стало строго. Не так

давно кто-то из начальства погорел на этом деле. Вот теперь нанимают за деньги… А знаешь сколько их начальников?

– Много, наверное?!

– То-то. И всем нужны дачи.

– А ты как с майором познакомился?

– Да, подрался на танцах с одним. Тот оказался на больничной койке, а я попал в КПЗ к майору. Светил немалый срок. Но майор помог, дали год условно.

В заключение своего нехитрого рассказа Серый проникновенно произнес: «Хозяин так и сказал, когда освобождали, пойдешь ко мне как бы на трудовое воспитание. Уже третью дачу строю. На первых двух мне как перевоспитываемому только пайку давали, а сейчас уже и платят».

В то время пока Родион и Серый возводили внутреннюю стену третьего этажа, чахоточного вида мужик по отчеству Семеныч выкладывал фасад дома. Это требовало большого умения. Но опыта и умения у Семеныча было не занимать. У него, по сведениям Серого, в активе было уже два досрочных освобождения за ударный труд за колючей проволокой, пять построенных дач. Когда последняя дача была построена, причем два этажа вверх и два вниз, майор был растроган до слез и пригласил Семеныча после освобождения занять почетное место в КПЗ.

Проблема всеобщей занятности здесь была решена окончательно и бесповоротно.

Другое почетное и не менее важное положение в шарашке занимал крановщик – Женька, которому вместе с управляемым им автокраном было присвоено имя «автоКПЗ». Когда-то Женька со своим автокраном трудился в одном строительном управлении. Майору же, всегда что-то строившему, позарез нужна была механизация. Сначала он арендовал кран, а после приватизации предприятий, кран стал его собственностью. Женька почему-то приглянулся майору и тот сделал его личным автокрановщиком. Когда же кран не использовался, Женька был его личным шофером и телохранителем. Не многие майоры могут похвастаться, что у них есть личные автокрановщики, водители и телохранители.

– Ну а бригадир, точно рецидивист. Смотри, все руки в татуировке и какие волосатые. А взгляд?! Бр-р!

– Ты что?! Совсем не разбираешься в людях. – Серый покачал головой, – это бывший милиционер. Вместе работал с хозяином в одном отделении и прежде стерег Семеныча. А вот теперь они делают одно общее дело. Рука об руку.

Наука овладения мастерком, благодаря природной сметливости и, вероятно, той неведомой старой жизни, прошла для Родиона без особых профессиональных затруднений. Бригадир придирчиво в конце смены осмотрел его работу, и удовлетворительно хмыкнув, искренне поинтересовался – не сидел ли тот хотя бы 15 суток. Но, получив отрицательный ответ, разочарованно ухмыльнувшись, заметил, что такие деньги ему платят лишь в порядке исключения, поскольку он на подмене основного состава. Но если Крестовский останется в КПЗ, то тариф ему установят как и Серому в полтора раза меньше.

Вот тогда Крестовский и поспорил с бригадиром: как же так, работу он делает не хуже, а платить будут меньше.

– А потому…, что нет у тебя «прописки» в нашей шарашке.

– Какой еще «прописки»? – не понял Родион.

Насчет «прописки» Серый любезно ему разъяснил:

– Понимаешь, ты ни чем не должен хозяину. А это не по правилам. Вот когда ты сядешь, ходя бы суток на 15 или еще лучше на больший срок, а он тебя вызволит, вот тогда ты будешь своим.

– Интересно, а почему майор не может нанять нормальных каменщиков, ведь он платит много? Только предложи.

– Э-э, друг, хозяин платит не за мастерство, а за понятливость. С другим контингентом он и разговаривать уже не может. Просто не поймут друг друга.

К шести часам вечера, когда солнце коснулось верхушек деревьев леса, КПЗ с сознанием выполненного долга выгребала из ведер последние пригоршни раствора. Трудовой день был завершен. Все распрямились, устало приводя в порядок рабочие места. Над стройплощадкой призраком бродил гулаговский девиз – «На свободу с чистой совестью».

В среду днем к стройплощадке, еле слышно шурша шинами, подкатила и мягко остановилась иномарка. Две хозяйские овчарки бросились навстречу хозяину и он, потрепав их по загривкам, стал исподлобья смотреть на проделанную работу и на шеренгу вытянувшихся кэпэзешников. Бригадир, шагнув вперед, бодро отрапортовал о проделанной работе. Майор остался доволен. Он поблагодарил за высокую сознательность и объявил благодарность от своего имени. Затем дал команду бригадиру освободить из подвала провинившегося накануне Семушкина.

И через некоторое время из подвала строящего дома вышел на свет долговязый парень. Он был худенький с колониальной прической «Котовский», в дырявых тапочках. «Давай, вредитель, теперь поработай». Парень щурился от дневного света так, будто пробыл сутки в одиночной камере. А посажен он был за то, что еще вчера после обеда просидел в туалете целых полчаса. У бригадира сразу закралась мысль, что это от чрезмерного употребления местного вина. И тот настучал майору.

На следующий день, когда они делали новый раствор, Семушкин, в глазах которого собралась вся скорбь русского народа, поведал Крестовскому свою простую историю. Оказывается, он привлекался за – угон автомобиля.

Рассказ его был незатейлив.

– Родился я в тихом городке Кимры, что на Волге. Все время мечтал работать в милиции, ловить преступников, быть на переднем крае борьбы с ворами и убийцами. В армии служил десантником. Как раз, что надо. Физическая подготовка и все такое. Вернулся, а в милицию попасть не смог. Пришлось устроиться на один завод, а точнее – в гараж слесарем. Работа мне нравилась, к тому же если водителям вечером нужна была машина, то ее брали из гаража свободно, ни у кого не спрашивая разрешения. Можно было, например, директорскую «Волгу» взять, чтобы девушек покатать. Два месяца тому назад, – продолжал он свой рассказ, в промежутках между укладкой кирпичей, – Пришел в гараж, дал сторожу бутылку и поехал за город отдохнуть с ребятами. Потом поехал в соседнюю область к своей знакомой девушке. И надо же такому случиться, что машина сломалась прямо у районного отдела милиции. Зашел в милицейский гараж, и увидел веселую компанию милиционеров-шоферов. Их было несколько человек. Время обеда. Они отдыхали и пили водку. И вспомнил я тут о своей детской мечте, представил себя работником милиции, подумал, как хорошо было бы быть рядом с ними – с такими веселыми ребятами. Ну и черт меня дернул. Подхожу и говорю, что я такой же водитель-милиционер из соседней области, короче, привез своего начальника на «Волге», да вот незадача, случилась поломка. Шеф уехал на другой машине, а мне сказал, чтобы я обязательно отремонтировал машину. Но я не знал, что столь гостеприимными окажутся эти ребята. Они предложили мне посидеть, выпить. Хотел отказаться, ведь был за рулем. А те пристыдили, – «что ж ты за милиционер, если не пьешь за рулем?» И пошло, и поехало. Машину я отремонтировал. Но в это время в гараж заглянул один опер – Сашка Бурмистров. Он выпил со мной за знакомство, узнав, что я работник милиции из соседней области, пригласил в свой кабинет. Там мы продолжили начатое. Весь день я был в его кабинете.

– А что ж ты не вернулся с машиной?

– Не мог. Не отпускали. Говорили, что так быстро ремонт не закончишь. Чего тебе здесь плохо. Работа подождет. Я там познакомился с прекрасными ребятами. Один старший лейтенант Юра и лейтенант Володя.

– И ты присутствовал при допросах? – удивился Крестовский.

– А чего? Они как раз так мастерски раскручивали одного парня по клике «Мафия», которому клеили убийство одной женщины.

– Пытали?

– Да так. Один взял со стола электрический провод и вставил одним концом в розетку, а другим стал водить по телу.

– Что ж ты, вредитель, сразу не уехал? – неожиданно врубился в рассказ мастер.

– Бес попутал. Потом поехали отдыхать в профилакторий «Березовая роща». Сауна, девочки, водка с пивом, шашлыки, как тут откажешься. Весело. Мне все больше и больше нравилось быть милиционером. Так продолжалась целая неделя. Ночевал в кабинете у оперов. Потом стали просить съездить то по одному делу, то по другому. Правда машина была какая-то гражданская, но выручили ребята из гаража. Смотрю, ребята в гараже на моей машине по трафарету вывели «милиция», нарисовали российский флаг. Я был счастлив.

– Ну а дальше?

– Я неоднократно пытался уехать к себе и вернуть машину в гараж завода, но каждый день получал очередное задание, или не мог самостоятельно ехать, так как постоянно «принимали». Вдобавок вдруг внезапно начала сильно болеть печень. По просьбе знакомых оперов несколько раз ездил в приемник – распределитель, «получал» арестованного. Даже пару раз самостоятельно допрашивал. Потом опять как-то вечером поехали на рыбалку. Напились. На утро я решил все-таки уехать от них. Выехал, смотрю, в бардачке Володька забыл свое удостоверение. Я спьяну засунул его в карман. При выезде из области подъехал к посту ГАИ, чтобы сдать найденное удостоверение. Там меня и арестовали, а машину подали в розыск. Опять препроводили в отдел милиции, где меня допрашивали мои новые друзья. Признался я в том, кто я на самом деле и чья это машина. Теперь вот сижу, и привлекаюсь к уголовной ответственности за угон машины. И черт меня дернул. Вот, втянули в свою компанию, делились со мной последней корочкой хлеба. И такой печальный конец… Хорошо майор, взял на свою стройку…

Семушкин закончив свой рассказ, понуро стал работать мастерком, снимая лишний раствор с кирпича, склонив лохматую голову на тощей как у гуся шее.

– Ничего, тюрьма – хороший университет, – усмехнулся бригадир, но тут же сменил тон. – А ну, братишки, взялись дружней! Порадуйте меня и хозяина усердной работой! – прокричал он, неведомо как узнавший о приближении майора.

Бетонщики, каменщики и просто разнорабочие навалились на работу изо всех сил. Бригадир одним глазом следил за работой, другим – за приближающейся хозяйской иномаркой.

Был конец недели и майор приехал принимать работу, а заодно и расплатиться. Он это делал на западный манер. Зарплата выплачивалась за трудовую неделю.

– Добро пожаловать, хозяин! Как видите, сегодня начали второй этаж. Майор не пожелал сначала выходить из машины, он только выставил на подножку ногу, а потом убрал ее обратно. Но вдруг переменил решение и вылез из машины.

– Строите на совесть?

– А как же иначе.

Майор пожевал губами, уткнулся взглядом в землю, потом поднял глаза, оглядел строящееся здание и с раздражением топнул ногой и с патетикой в голосе проговорил, буравя своими маленькими карими глазками на большом лице своих рабочих.

– Я всю жизнь делаю из таких как вы настоящих людей! – И уже, направившись в сторону машины, бросил негромко. – Денег пока нет. Ждите. Рассчитаюсь только с времен-

ными… Сел в машину и сделал знак шоферу трогаться. Все руки поднялись в приветствии, но майор даже не обернулся.

Недовольства никто не проявлял. Все входили в положение майора, и жалели его, так как настроение ему, видно, испортил бракоразводный процесс. Крестовский еще раз убедился в мудрости майора, который строит свои отношения с рабочими по принципу личной преданности и благодарности. Иначе бы ударная стройка превратилась в обычный совковый долгострой.

…Вечером у Родиона нестерпимо болела спина, ноги казались ватными, а пальцы рук неприятно подрагивали и никак не могли держать вилку, она просто вываливалась. Зато в кармане у него лежала довольно приличная сумма денег. На кровать он упал как подкошенный, и сразу провалился в глубокий, без сновидений омут.

6. Правнуки лейтенанта Шмидта

В один из субботних дней Крестовский оказался в Измайловском парке. Его внимание привлекла довольно большая группа пестро разодетых людей, которая расположилась на лужайке и раздавала буклеты проходящей мимо публике. Получил буклет и Родион. Отпечатанный на хорошей бумаге, и красиво оформленный он внушал некое доверие. Развернув ради любопытства буклет Крестовский прочитал: «Программа Партии любителей пива».

Эпиграфом были взяты слова: «Никто не даст нам по кружке пива – ни царь, ни мэр, ни президент». «ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ ПАРТИИ: насаждая символ развитой цивилизации – пиво, всемерно способствовать прогрессу и процветанию общества».

Далее он пропустил разделы экономики и сферы здравоохранения. Взгляд зацепился лишь на словах, что «пиво – это второй хлеб». Потом шла «сфера культуры». Внимательно прочитал последний раздел «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА». Там было написано буквально следующее. «Так как во многих странах пиво является основной статьей пополнения бюджета, а потребляют его во всем мире, назрел вопрос о сближении политических позиций стран потребителей и производителей пива. Выразителем этих объединенных интересов и призвана в итоге стать наша партия, способствуя таким образом укреплению международных связей и росту взаимопонимания между людьми… Надеемся, что представленная информация убедила вас, – прочитал в конце буклета Родион, – в том, что Партия любителей пива – это ваша Партия!» После прочтения этого проспекта ему почему-то подумалось: «Слабые люди не создают сильных партий».

Между тем, на сооруженной тут же импровизированной трибуне стали выступать ораторы. Первый почти слово в слово пересказал текст буклета. Второй – выражал надежду, что партия, приоритетом которой является пиво, поможет объединить всех жителей планеты под лозунгом: «Пиво, как способ борьбы с инфляцией». Он призывал всех, кто любит пиво, этот замечательный во всех отношениях напиток, вступать в Партию любителей пива. Ему похлопали.

Другой выступающий объявил, что одним из условий приема в Партию было обязательное предоставление фотографии, девять на двенадцать, с изображением кандидата, держащего в руке кружку пенистого напитка.

Среди собравшихся зевак быстро распространился слух, что будут давать бесплатно пиво. Это сплачивало собравшихся и заставляло терпеливо слушать ораторов.

Партия любителей пива оказалась очень обеспокоена судьбой курильщиков всего мира. Председатель фракции курильщиков-любителей, невзрачный блондин, выступил с краткой речью, в которой он призвал начать активную борьбу за права курящей части населения. Начало борьбы положено тем, что после пламенных речей было написано письмо в адрес Генеральной Ассамблеи ООН. А для того, чтобы не тратиться на дорогие нынче, на взгляд партийцев, почтовые услуги, письмо было упаковано в бутылку «Жигулевского» и брошено в воду. По расчетам специалистов по бутылочной почте, послание ООН получит не ранее чем через полгода. Многочисленные провожающие желали письму попутного ветра и семи футов под килем. Предлагаемый путь письма был следующий: Москва-река, Волга, потом по Волго-Донскому каналу в Дон, – Азовское, Черное, Средиземное море – Атлантический океан – г. Нью-Йорк.

После торжественной части состоялась распродажа кулинарных блюд. Причем эта была не просто распродажа. Полученные средства обещали направить детям детдома. На импровизированной сцене стоял ведущий с фаршированной уткой в руках.

– Начальная цена 10 тыс. руб. Это удивительная утка, приготовленная в ресторане «Прага».

– 12 тыс. рублей, – крикнул нехотя совсем близко человек в черной куртке.

– 12 тысяч рублей раз, 12 тысяч рублей – два…

– 16 тысяч рублей, – крикнули в правом углу.

– 20 тысяч рублей, – опять предложил человек в крутке.

– 40 тысяч рублей!

Чья та рука поднялась из задних рядов стоящей толпы.

– 40 тысяч рублей, раз, 40 тысяч рублей два, 40 тысяч рублей – три. Продана!

На помост выскочила дамочка, к которой «отлетела» птица.

– Как вас зовут и откуда вы? – спросил ее ведущий.

– Я гуляла с друзьями. У меня день рождения и мне подарили сто тысяч рублей. Раз аукцион посвящен детям, то решила отдать им эти деньги…

Расчувствовавшийся ведущий от себя подарил даме цветок и то, что он не смог продать на аукционе. Уходя с этого мероприятия, Родион подумал, что, вероятно, будущее страны именно в руках таких людей с нетрадиционным подходом к решению проблем.

…Ближе к вечеру Крестовский оказался на Арбате. Он доехал на метро до станции «Смоленская» и, выйдя из него, оказался свидетелем любопытной картины. Две симпатичные женщины в желтых фирменных майках и бейсболках совершенно бесплатно раздавали прохожим коробочки в красивой упаковке. Крестовский даже поначалу не понял, что это за товар и встал в очередь.

– Что дают? – спросил он у впереди стоящего мужчины.

– Компактные упаковки женских прокладок «Либресс».

– Фу-у-у, а я то думал, что-то дельное, а это?.., – и отошел в сторону.

Женщины, которым вроде бы необходим этот товар, чаще всего шарахались в сторону от такого подарка. Однако в отличие от недоверчивых дам, мужчины не только с удовольствием хватали красивые коробочки, но даже выстроились в живую очередь за ними.

– А чо, все берут, – толкнул его серьезный мужчина средних лет. – Все берут, и я возьму. Жене подарю. Пусть пользуется в критические дни.

– Прикольно, – радовался молоденький паренек, ухвативший сразу три упаковки, и засовывая их в свою сумку.

Крестовский, отходя дальше от очереди, пришел к выводу, что мужчин «халявщиков» намного больше, чем женщин.

Потом его оглушили крики мальчишек, торгующих газетами:

– Читайте нашу газету! «Менты – взяточники!», «Райкина квартира», «Кому ты служишь, Ельцин?», «Коммунисты опять…» – выкрикивали они высокими громкими голосами.

Родион прошел еще метров тридцать и остановился возле группы молодых людей, танцевавших брэйк, рэп и хип-хоп.

У фонтана с бронзовой фигуркой принцессы Турандот на кривых толстых лапах стоял английский бульдог. Ему было жарко, а в глазах затаилась собачья тоска. Ему бы на травку, на лужок. Зато рядом с ним была хорошенькая хозяйка. Она нагнулась к фонтану, и все невольно засмотрелись на ее голые стройные ножки. Затем набрала воды в бутылку и стала поливать пса. Тот фыркал и встряхивал капли с шерсти, разбрызгивая их далеко вокруг.

Нашего героя больше интересовали не те люди, кто продавал здесь матрешек, гадал по ладоням, фотографировал, а местные жители. Арбатские окна. Родион невольно поднял голову, с любопытством всматриваясь в них.

Вон, на втором этаже пузырится старая занавеска. Сразу видно, что за ней живут небогатые люди. Потом послышался мужской голос:

– Ты сосиску будешь?

– Не буду.

– Ну, тогда я ее сам съем.

С третьего этажа высунулась старушка, вся в черном, и стала поливать мостовую из чайника.

– Зачем, бабуля? – крикнул ей Родион.

– Пух, милый, пух. Чтоб не летел.

Крестовский увидел группу иностранцев: трех парней и трех девушек, одетых в майки с надписями «GUARDIAN», что вероятно можно было перевести, как «Гвардия порядка». Вручив Родиону листовку, объяснили, что они международная организация добровольцев. Ее члены занимаются патрулированием улиц, помогая правоохранительным органам бороться с преступностью. «Ага, вроде наших добровольных народных дружин», – подумал Родион, посмотрев на них весьма скептически.

Как и все иностранцы, они были очень наивны, надеясь набрать в свои ряды достаточное число «гвардейцев» и охранять чуть ли не всю Москву.

Крестовский, едва отойдя от «гвардейцев», увидел, как те сразу же окунулись в реальную московскую действительность. Они столкнулись с разношерстной группой цыганок. Ни те, ни другие ситуацию не поняли. Простодушные «гвардейцы» прочитали им лекцию о том, как не быть обманутыми преступниками. Те в отместку им погадали и стали клянчить валюту.

Родион давно так не веселился, видя, как гвардейцы правопорядка с трудом отбивались от настырных и напористых цыганок. Здесь вам не Нью-Йорк или Лондон. Нашему брату-бандиту объяснять, что, убивая или грабя, он нарушает декларацию прав человека, можно только под дулом автомата.

В любом городе есть свое место, где собирается неформальная самовыражающаяся публика. Для Москвы это Арбат. Арбат – это поэзия, его надо понять и полюбить. И тогда может быть, он тоже примет тебя. Арбат был и скопищем сомнительных личностей. Кого только здесь можно было не увидеть. Вот навстречу Крестовскому прошествовал очень импозантный мужчина средних лет. Он шел независимой походкой с медалькой, нацепленной на майке, в шляпе, в длинных ниже колен пляжных разноцветных трусах, стоптанных кроссовках и с трубкой во рту.

Стоящая на углу женщина продавала средство от тараканов.

– Морить тараканов! Кому морить тараканов!

– Новейшее средство от облысения, – предлагал всем лысоватый мужичок. – Последняя коробка.

Но все проходили мимо.

– Не идет торговля? – сочувственно спросил его Родион.

Далее на него вылился весь ушат, нет, озеро, накопившейся горечи.

– Жить на что-то надо. На оборонном предприятии тридцать лет проработал. Двадцать пять почетных грамот, десять изобретений. Держал в сберкассе 10 тысяч, и не на похороны, как другие старые хрычи, а так, чтоб жить спокойно, от детей с внуками не зависеть. Заработал честно, накопил, на пенсию вышел. Ну, думаю, теперь заживу. Как же! Сначала один на танк залез, потом влез другой, который все причмокивал своими губами. Ну вот, всю мою заначку в сберкассе и прочмокал. Реформы начал свои двигать. А мне пенсию одну оставил – ни пожрешь, ни выпьешь. Ну, ладно, устроился я сторожем в одной фирме, с голоду не помираю. Но с тех пор все правду ищу. Пишу в организации, газеты – не отвечают даже. Неужели не понимают. Откуда у этих демократов такие деньги. А очень просто, я на этих демократов всю жизнь работал, а они все забрали себе, банков понаоткрывали, сами с жиру бесятся, а меня старика, без штанов оставили. И что ведь обидно, еще коммунистом обзывают! Это я-то коммунист?! Я и в партии ни дня не был. Меня туда не брали. А они все из коммунистов, я знаю, читал газеты всегда. И вот что получилось: они, богатенькие – демократы, а зна-

чит хорошие. А я, голоштанник, – враг реформ. Ну, правильно ли это? Мне уже один хрен, но чему они детей учат? Так и вырастут с вывихнутыми мозгами!

Крестовскому с трудом удалось вырваться из общества словоохотливого продавца средств от облысения.

…За складным столом сидел молодой человек в джинсах и майке. Он дружелюбно улыбаясь, объяснил подошедшему Родиону, что состоит в организации, которая борется за… открытие новых школ в Сибири?

– ???

– А что вы гражданин, против новых школ в Сибири, чтобы они были построены?

– Нет, пусть будут.

– Тогда распишитесь в знак того, что еще один голос присоединился к хору всех людей доброй воли.

– Нет проблем, – и Родион поставил закорючку в большой разлохмаченной тетради. Но активист видно не даром ел свой хлеб. Он буквально схватил за рукав Крестовского, не дав ему уйти.

– Гражданин, подписавшись, вы тем самым обязались отдать на это доброе дело еще и некоторую сумму денег.

– И сколько стоят школы Сибири?

– 5 долларов! Можно рублями! – Без запинки выпалил активист.

Крестовский не знал, шли ли эти деньги в личный бюджет активиста или действительно каким-то образом добирались до далекой Сибири, но, стряхнув цепкую руку активиста, бросил: «Отстань! Вон полно иностранцев», – двинулся дальше.

Этот способ отъема денег годился, скорее, для кроткого западного человека. Россиянин, который помнил, как у него еще в советское время в принудительном порядке брали пожертвования на помощь Кубе, Чили или афганцам, к подобным мероприятиям относился со здоровым цинизмом. Отечественные прохожие весело подмигивали, махали активисту рукой, как хорошему знакомому, но ничего не платили.

В конце прогулки по Старому Арбату Крестовский возле перехода к метро «Арбатская» оказался свидетелем такой сценки. Двое мужчин вовсю старались разжалобить проходившую публику. Один, пожилой, представлялся как инициативная группа по сбору денег на вызволение российских воинов из Афганистана. Молодой с завыванием говорил, что нужно помочь материально их благородной цели, кто сколько может.

Кончилось дело тем, что милиция задержала их. И Крестовский почему-то неожиданно для себя с нескрываемой злорадством подумал об этих неразумных правнуках лейтенанта Шмидта: «Кто поспел, того и съели».

7. Туалетный бизнес

Говорят, что всякое изменение начинается с большого желания. Да, чтобы к чему-то стремиться, надо сначала сильно этого захотеть. До тех пор, пока у вас нет цели более или менее определенной, всегда есть риск попасть под влияние потока обстоятельств, оказаться маленьким листком на ветру, делать не то, что нужно тебе, а то, что хотят другие, или то, что сейчас удобнее или приятнее делать, или ничего не делать. Надо еще сказать, что каждая по-настоящему творческая личность не только имеет собственные нереализованные планы, иногда громко называемые «целью жизни художника», но и пытается, несмотря ни на что, воплотить их в жизнь. И здесь главное, чтобы эта цель была конкретная, а ее достижение зависело целиком от него самого.

Крестовский был уверен, что первое и главное условие счастья – это счет в банке или просто наличие круглой суммы, желательно в валюте. Он даже завел записную книжку, которую назвал «Мои жизненные цели и глупости, которые я совершил».

На самой первой странице Родион нарисовал прямую линию и на ней кружочки со словами и датами. Потом вслух произнес: «Значит, так, через 10 лет я буду миллионером, через 20 буду владеть несколькими предприятиями. Какими?» Он еще не думал об этом.

Может быть приобрести заводик, фабрику, кораблик, издательство… Хотя у него тут же возникли смутные сомнения. Он, конечно, не сомневался в своих способностях и верил в свою звезду, но планирование своей жизни походило на расписание электрички. Первые записи касались действительно тех целей, которые он собирался достичь. «А что, остров в теплом море? – мелькнула у него сумасшедшая мысль. – И там построить виллу. С голубым бассейном». – Ему вспомнилась голубизна морской воды в рекламном ролике «Баунти» – райское наслаждение». И тут же написал: «Хочу белый «Мерседес»». Потом продолжил, что хочет иметь квартиру в центре, гараж, загородный дом, счет в швейцарском банке… Чуть ниже написал, когда он собирается достичь этих целей. Напротив «Мерседеса» он поставил – через год. Почему вы спросите именно «Мерседес»? Однажды мимо Родина прошелестел шинами приземистый и элегантный белый «Мерседес». Родион оглянулся ему вслед, как прекрасной женщине и сразу полюбил его. Он представил, какое наслаждение – чувствовать, как малейшему твоему желанию и движению подчиняется большое, стремительное и горячее «механическое животное».

Сформулировав главные цели своей жизни владелец заводов, газет, пароходов и дорогих авто с удивлением обнаружил, что они и близко не подходят к тому, чем он занимался последний месяц. Конечно, Родион понимал, что на пути к крупной цели есть более мелкие цели, достижение которых является средством решения главной. И все же…

Крестовский продолжал поиск того фонтана, который принес бы ему богатство. Но как часто случается, что как раз без работы оказываются люди, готовые взяться за любое дело.

Есть тысячи способов разбогатеть. Например, можно продать квартиру – стать бомжом-миллионером. Но квартиры как раз у него и не было. Можно было жить по принципу: украл-выпил-сел. Сел ненадолго, зато выпил красиво! Но это его явно не устраивало, он и так потерял большой кусок своей жизни.

Можно подумать, что наш герой был уж слишком высокого мнения о себе. И вы не очень ошибетесь. Конечно, он еще не был богатым, но удачливым и изобретательным. В этом он был уверен на все сто процентов. А деньги, слава только и ждали, чтобы Родион слегка наклонился и подобрал их, используя по своему разумению.

Москва, как огромный мегаполис, годами работала, как гигантский пылесос, всасывала из окружающих регионов лучшие интеллектуальные силы, а выбрасывала обратно

пыль. Людей без корней, определенных занятий, нравственных устоев или просто слабых, потерявшихся в большом городе.

Сейчас, наверное, уже трудно вспомнить, когда первый бомж, этот представитель падшего слоя общества, все уничтожающим ароматом, исходящим от его тела и одежды, возвестил о своем появлении в городе – герое Москве. Случилось это вероятно одновременно с рождением новой России. С тех пор бомжи стали неотъемлемой и колоритной частью российского пейзажа. Бродят они по городам и весям и помечают территорию. Там, где отмечается бомж, умирает все живое в радиусе 5 метров.

В скверике у Каланчевской площади рядом с кинотеатром «Перекоп» на скамейке лежал человек, прикрывшись газетой «Вечерняя Москва», в мятом и грязном пиджаке, одетым на голое тело, мирно подогнув ноги в коричневых сандалетах, в рваных, грязных носках неопределенного цвета. Прислонив голову на какой-то авоське не хуже чем на подушке, он негромко похрапывал. Эх, не перевелись еще на Руси богатыри да добры молодцы. Наверное, ему снилась просторная светлая комната и большая кровать, накрытая белоснежной простыней и он на ней. Сердобольные женщины, вглядываясь в колоритную одежду этого представителя рода человеческого, наверное, отмечали: «Хорошая проверка для широко рекламируемого стирального порошка «Тайд». Хотя нет. В данном случае, у этого средства не было никаких шансов.

Это был обычный мужичок неопределенного возраста, уставший бороться с притяжением Земли, выпивший немного лишнего на жаре. Короче, самый что ни есть настоящий бомж. А вокруг шумела людская толпа идущих по делам людей.

«Кто вы, безымянные дети? – думал про себя Родион, разглядывая бомжа, – Кто вы? Как вам удается при всей безнадежности и отчаянности положения быть беззаботными и жизнерадостными? Как появляетесь на свет? Как умираете? Чем живете? Он явно прибыл в Москву из страны под названием «мой адрес – Советский Союз».

Чуть подальше от пьяного спящего бомжа уютно пристроилась палатка с объявлением, написанного крупными буквами «Продаем водку в разлив», а напротив нее другая палатка, но уже с надписью совсем другого характера «Все режем». Крестовский заинтересованный этой вывеской толкнул дверь и обнаружил вместо логова тайных экстремистов магазинчик по продаже колбас и других мясных изделий. «Полный сервис» – подумал Родион. – Выпил, закусил, прилег. Все рядом».

Он подошел к мужику, занимавшему всю лавочку, и потряс его за плечо. – Господин хороший, можно вас побеспокоить? Давай двигайся. Разлегся как барин. Тайные пружины человеческого организма со скорбным треском прорывали потасканную обшивку, посыпалась дряхлая человеческая труха, послышался скрип и треск.

Бомж как-то сразу съежился и стал бормотать:

– Я, б…?! Да, б…, что я? Чо, ты меня б…, толкаешь? Хочешь, человека, б…, тебе покажу?

Что он этим хотел сказать? Хотя нет, все было понятно. Недаром, как утверждают ученые филологи, из «тринадцати великих» языков мира, русский язык один из самых распространенных и выразительных.

Мужик убрал ноги и поднял на Родиона мутные глаза.

– А на стакан водяры дашь? А то какой я тебя утром «господин хороший»? Плохо мне, товарищ! И, окинув Родиона цепким взглядом, протянул руку: «Окажите спонсорскую помощь гостю нашей столицы».

Крестовский в соседней палатке купил сто грамм водки в одноразовом стаканчике. После приема на голую грудь стограммового стакана огненной жидкости, мужичок откусил краюху черного хлеба и был абсолютно счастлив. Потом почему-то сказал:

– Хорошо, что стакан одноразовый, а то столько кругом заразы, и грязь повсюду! Незнакомца, похоже, принятая доза только раззадорила. Он, постеснявшись, видно, еще попросить Крестовского купить водки, достал из сумки начатый флакон с ароматической жидкостью «Свежесть».

– Хлебнешь!

Родион посмотрел на протянутый флакон. И чтобы тактично отказаться ответил:

– Я еще не отошел от вчерашнего.

Бомж понимающе кивнул:

– Небось смешал?

– Смешал.

Тогда мужчина приложился к горлышку флакона. Ополовинив его, он очень серьезно представился:

– Глобус. Но прежде, чем Крестовский успел придумать себе правдоподобное имя, Глобус продолжал:

– А ты Бычок, понял?

– Почему Бычок?

– Бычок и все.

– Ну, хорошо, пусть Бычок.

– Тогда пей, – еще раз предложил Глобус и протянул ему флакон. – Не бойся, от «Свежести» ничего не будет.

– Извини, ну не хочется. Как узнал вскоре Крестовский, Глобус собирался в Сочи на зимовку.

– Знаешь, почему мне нравится этот город?

– Почему?

– Зимой в Сочи можно ходить без носков…

Потом наступила долгая пауза. После нее Глобус рассказал о себе.

– Я ведь когда-то был нормальным мужиком. Имел семью, квартиру, работу, а как-то спьяну избил жену. Она в милицию. Ну и меня посадили – за хулиганство. Вернулся – жена не прописала. Нет прописки, не берут на работу. Сначала по друзьям, родственникам скитался, потом по чердакам, подвалам, теперь и друзей нет. Только подвалы. Вот скажи, ты меня уважаешь?

– Уважаю!

– Серьезно?

– Конечно.

– Уважаешь?! Но ты мне не друг!

– Почему?

– Потому, что «Свежесть» не пьешь, Бычок.

– Ну и что ж ты, – пожалел Крестовский Глобуса.

– Пошел бы в милицию. Куда-нибудь пристроили бы.

Глобус возмутился:

– Теперь милиция проходит мимо. Прошу – возьмите меня, братцы, в тюрьму. А они мне – катись! Ты, говорят, Глобус, бумаги вначале собери, – тут бродяга посмотрел на положение солнца и сказал озабоченно. – Вот тут я с тобой прохлаждаюсь, а ведь мне на рынок пора за продуктами.

– Куда?

– Думаешь, я святым духом питаюсь?

– Грузчиком подрабатываешь?

– Че-го-о? – искренне удивился бомж и засмеялся. – Ага, из мусорки объедки таскаю!

– Так объедками и питаешься?

– Ты что совсем? – покрутил он пальцем у виска. – Объедки для шавки. Я только экологически чистое ем.

– Крадешь?

– Беру! Иду и беру. На прилавках много чего лежит.

– А если не дадут?

– Лучше сразу на продукт плюнуть или пальцем поковырять. Початое не отберут.

– Но ведь побить могут.

– А ноги на что? Это вроде спорта – попробуй, догони. А если и побьют хозяева, так сразу и откупаются, чтобы молчал.

– Сколько тебе лет? Пятьдесят?

– Ну, хватил. Сбрось десяток.

– Ты хоть где-нибудь работал?

– Какая тебе разница. Живет человек, никому не мешает. Знаешь, как звери живут? В единстве с природой! Зимой на юге греюсь. Летом мой дом – чистое поле. Сплю, сколько захочу, говорю – о чем нравится.

– А почему приехал в Москву?

Мужчина, спрятав одноразовый стакан в свой походный целлофановый пакет, очень серьезным тоном спросил?

– У тебя деньги есть?

– Немного.

– А хата, где жить?

– Есть.

– Так вот, братуха, если бы у меня была хоть комнатка какая-нибудь, я бы поехал в Псков, где когда-то жил. А так только летом в Москве, а вот зимой перебираюсь в Сочи. И он, затянувшись табачным дымом сигареты, даже прикрыл глаза от навеянных воспоминаний.

– Слушай, Глобус, может быть, еще стаканчик пропустишь?

– Нет, запью, бомжи отнимут пиджак, а без него мне разве что в Сахару бежать. Дай лучше несколько монет. Я люблю металлические деньги. Они надежнее бумажных.

– Почему?

– Потому что наше правительство постоянно что-то придумывает какие-нибудь денежные реформы.

Именно эта случайная встреча навела Крестовского на новый вид бизнеса. А что, если, воспользовавшись постоянной готовностью нашего народа к волевым решениям правительства, сыграть на самом болезненном – ежедневном страхе перед денежной реформой.

На следующий день, не откладывая в долгий ящик, наполнив до отказа карманы мелочью и вооружившись плакатом «Продам мелочь выгодно». Крестовский вышел к народу – именно в том самом скверике. Удобное место, рядом три вокзала. Полно приезжих.

Буквально через пару минут на приманку клюнул один мужичок задрипанного вида с большим баулом.

– А чей-то ты мелочью торгуешь?

– Ты что, с Луны свалился? Радио не слушаешь и телевизор не смотришь, газет не читаешь?

– А чо?

– Так только сегодня передали. Денежная реформа! Железный рубль теперь стоит сто рублей. И с остальными монетами то же.

После долгих раздумий, до неузнаваемости исказивших его лицо, клиент поинтересовался ценой. За полтинник Крестовский просил всего двести рублей. Мужчина пытался даже торговаться. Если тот возьмет сразу оптом, чтобы сделали скидку хотя бы 10 процен-

тов. Родион сначала ни в какую не соглашался, но потом согласился на 7 процентах. После него подошла какая-то приезжая из сельской местности. Узнав, что за десятирублевки Крестовский просит всего по 50 рублей, она, недоверчиво сопя, скупила все имеющиеся у Родиона десятирублевые монеты. И понеслось! За полчаса Родион наторговал приличную сумму. Вскоре к нему образовалась очередь, в ней возник даже спор, так как нашлась пара людей, норовивших пролезть без очереди. Родион пригрозил:

– Граждане, если вы так будете себя вести, я сейчас закрою обменный пункт. Очередь на некоторое время успокоилась, но нетерпеливо волновалась. Основной взнос в казну Крестовского внесло лицо хорошо известной национальности, которое поинтересовалось насчет оптовой скидки. Но потом очередь почему-то спала и лишь редкий прохожий, как видно приезжий из далека, поддавался на эту удочку. Надо было вносить какие-то кардинальные изменения, найти какую-нибудь изюминку. И он ее нашел.

Пока Родион торговал мелочью, к нему несколько раз подходили и вежливо расспрашивали, как пройти в туалет и какие условия посещения этого заведения. Сначала Кретовского это злило, но потом лицо его озарило лучом идеи. Но Родион не был бы самим собой, если бы не почувствовал, что в этом что-то определенно есть. Он решил развить свой лоточный бизнес! Поистине труд делает жизнь привлекательной. Остановись, прогресс! Ты прекрасен!

Да, Крестовский придумал еще один источник своего дохода. Играть, так играть покрупному. Новый источник находился в сфере потребления естественных нужд.

Он использовал свой единый проездной билет на проезд в общественном транспорте и, не долго думая, взял его за основу туалетного абонемента. Все это он выводил на бумажке, повторяя мысленно: «Бог дает нам орехи, но он их не колет. Мы не будем ждать милости у природы, мы ее милости просим». И, оставшись доволен, отправился в ближайший кооператив по изготовлению визиток и всякой полиграфической продукции, по дороге размышляя, Остап Бендер, не без гордости говорил, что лично у него есть четыреста сравнительно честных способов «отъема» денег. Знай великий комбинатор, каких высот достигнет это древнее искусство всего через несколько десятилетий, то от стыда провалился бы со своими кустарными способами сквозь землю в вожделенный Рио.

Напечатав изрядное количество абонементов, Родион вновь отправился к привокзальной площади. Зорко поглядывая, не появился ли какой-нибудь его бывший неразумный клиент, обменявший свои деньги на металлические рубли и жаждущий теперь мести. Но нет, таких вроде не наблюдалось.

Крестовский, пристроившись за переносным столиком, на которых чаще всего и ведут торговлю распространители городских коммунальных билетов, вещал громким и хорошо поставленным голосом:

– Дамы и господа. Продаются абонементы на июль месяц в платные туалеты города Москвы. Предлагаем новую форму услуг! Теперь вы можете не бояться оказаться в затруднительном положении и не быть обслуженным. Абонемент обезличен и им может пользоваться вся семья!

Именно эта последняя фраза, изменяла траекторию обычно спешащих москвичей и менее торопливых гостей столицы.

Для будущего владельца заводов, газет, пароходов и дорогих авто эта афера была чистым творчеством, он не любил обязаловки.

Торговля абонементами стала набирать обороты. Все быстро просчитывали в уме несомненные финансовые выгоды новой формы услуг. Абонентская плата в это, скажем, интимное заведение стоило в два раза дешевле, чем одноразовый заход.

– А мне как участнику…, – что-то пробормотало себе под нос лицо неопределенного полового вида. И дальше Крестовский расслышал, – …нельзя ваш абонемент бесплатно?

На что Родион, округлив глаза, строго ответил:

– Даром за амбаром. Понял?

Крестовский уже грешным делом задумался, а не развить ли ему этот туалетный бизнес шире, в виде нескольких пунктов продажи, когда на горизонте показался человек в милицейской форме. Родион не успел быстро собрать свои разложенные абонементы. Когда страж порядка в чине сержанта подошел к столику и стал разглядывать новые невиданные билеты. Крестовский внутренне напрягся, ожидая самого худшего развития ситуации. Но когда сержант неожиданно достал кошелек и попросил продать абонемент, быстро взял в себя в руки.

– Товарищ сержант, Вас и так пустят, зачем Вам абонемент?

На что тот ответил:

– После работы, когда без формы.

Продав абонемент милиционеру, наш герой не стал искушать судьбу и быстро прикрыл свою лавочку. Бизнес был слишком близок к одной из статей Уголовного кодекса, а его он чтил.

8. Основатель КПСС

Спустя несколько дней Крестовский стоял в очереди за помидорами, окруженный дамами и старушками, за офицером в чине полковника российской армии.

Вдруг продавщица объявила, что помидоров не будет – их некому подавать из подсобки и стала вербовать помощников из очереди их перенести к прилавку. За это она обещала отпустить вне очереди. Родион с офицером согласились и пошли за кулисы овощного магазина.

Там было довольно много народа. Кто пил пиво, а кто просто говорил по телефону, кто курил сигарету, как, например, толстый парень с золотой цепью на шее в палец толщиной.

Они с полковником таскали ящики. Военный даже снял мундир и его зеленая рубаха через некоторое время покрылась потом. Крестовскому это надоело, и он уже было хотел оторваться, но полковник его остановил.

– Надо еще догрузить, – строго сказал он, – Там еще осталось.

– Да Бог с ними! – отозвался Родион.

Полковник возмущенно на него посмотрел. А Крестовскому хотелось зло сказать ему в лицо: «Эх, полковник, полковник! И не стыдно тебе таскать ящики для жирного торгаша? Дал бы ты ему в морду, когда он предложил тебе, русскому офицеру, таскать эти ящики». И тут понял, что и полковник имел полное право ответить: «Мне детей кормить надо, а сам-то ты что надрываешься?»

…Конец рабочего дня для одних, у других означает его начало. На улицах появляется больше народу. Крестовский шел по Тверской, когда его, чуть задев, обогнал парень, из кармана которого упала пачка долларов. Ее тут же схватил вынырнувший из-за спины, робкого вида долговязый парень в очках.

– Поделим? – вопросительно посмотрел он на Родиона.

– Не теряйте времени, – устало отмахнулся Крестовский, – не снижая хода.

– Валюта не нужна? Богатый?

– На такие штучки я не ловлюсь, не собираюсь ждать твоего приятеля, выворачивать перед ними карманы и остаться в конце концов без найденных долларов и своих кровных рублей.

«Доброхот» глубоко вздохнул и вместо того, чтобы раствориться в толпе стал оправдываться:

– Я же никого не граблю, а учу халявщиков. В это время к ним вернулся обронивший кошелек парень, и строго глядя на них, спросил:

– Доллары не находили?

Его попутчик дернул того за рукав:

– Успокойся, фальстарт…

И до метро они уже шли втроем, рассуждая, что не все в их работе всегда складывается так, как оно хотелось, что тяжек их хлеб насущный…

Вечером после этого у Крестовского была намечена деловая встреча с одним интересным человеком. Когда его впервые увидел Родион, то вначале показалось, что перед ним чокнутый. Небольшого роста, всего чуть более полутора метров. Большой лоб сразу переходил в обширную лысину, кроме того, он был еще и кривоват с детства. Поэтому когда читал или писал, то близко наклонялся к листу или книге правым глазом, именно этот глаз его видел в несколько раз лучше левого. Но во взгляде его было столько огня и удали, столько интереса к собеседнику, что это сразу к нему располагало дружеской симпатией.

Говорят, что люди делятся на две группы: на живущих и думающих. Бывает, конечно, когда и то, и другое смешивается в человеке, как шампунь с кондиционером в одном флаконе. Именно таким замечательным человеком был Кузьмин Валерий Иванович.

Кроме всего прочего, Валера присвоил себе титул основателя КПСС – партии, которая называлась в развернутом виде «Кузьмин: помоги себе сам».

С ним постоянно происходили всякие удивительные истории. Еще служа в советские времена лейтенантом в армии, в одном прибалтийском городе ему пришлось строить небольшое здание. А рядом в нескольких метрах за забором с колючей проволокой располагалась территория военно-морской базы подводных лодок с хорошей офицерской столовой. Но ходить туда в обход ему было далеко. Более километра. А тут столовая в ста шагах. Сделал он дырку в заборе. Только матрос – постовой исчезал из вида, как он быстро пролезал через дырку. Потом, пообедав, возвращался обратно тем же путем. В тот день Кузьмин был вызван к адмиралу. Тот, выслушав рапорт, распек за долгострой. Расстроившись, он пошел в столовую, и по привычке прошел через дырку на свой строительный объект. Но, видно, этот день был не его. Он может быть, еще и вспомнил бы о выписанном пропуске, и оставленном удостоверении на проходной, но ему заморочил голову, приехавший на стройплощадку с проверкой непосредственный вышестоящий начальник – полковник, который тоже прочитал ему нравоучение. Вечером он сразу поехал к знакомой девушке и остался у нее до утра. Между тем в конце дня на КПП всполошились. Пропал человек. Пришел и не вернулся с территории базы подводных лодок. На всем этом участке берега флот был поднят по тревоге. Послали в гостиницу, не прошел ли он случайно обратно. Но комендант показал, что Валера в гостиницу не возвращался. Стали искать, обыскивать каждый метр берега и прилегающую территорию.

Всплывали подлодки, крейсеры и сторожевики бороздили прибрежную акваторию. Сотни человек после объявления тревоги искали Валеру или хотя бы его тело. А утром, он как ни в чем не бывало, пришел на свой строящийся объект. Его тут же доставили к адмиралу, где он чистосердечно во всем признался.

Адмирал пожалел молодого лейтенанта.

– Ну что мне с тобой делать? Уволить? Ты только начинаешь служить. Не хочу ломать тебе жизнь, – махнул он рукой. – Хорошо, будем считать, что это была учебная тревога.

Валера Кузьмин приехал в столицу с Байкало-Амурской магистрали или сокращенно БАМ, а точнее из Тынды, где оказался по комсомольской путевке с одним простым желанием – испытать трудности и проверить себя на прочность. Комсомол ему не обещал легкой жизни и это был тот редкий случай, когда советская пропаганда не обманула. Там, он завел семью, детей.

Тот, на ком лежит печать призвания, увлеченности, счастлив и несчастлив одновременно. Несчастлив потому, что несвободен, не может избавиться от своей ноши и вынужден идти с ней на свою голгофу. А счастлив потому, что в его жизни есть осмысленность, он знает, чего хочет, что и зачем делает, в то время как большинство людей гоняется за химерическими, бессмысленными миражами, придумывают никчемные цели: накопление денег, собирание марок или коллекционирование автографов. Человек призвания избавлен от мучительных, пустых времяпрепровождений, когда не знаешь, куда себя девать.

Его первые шаги начались с того, что на заре перестройки Валера написал объявление, и отправил в ряд городов Сибири, где сей документ охотно обнародовали местные газеты.

А объявление сие гласило: «Кооператив «Крокус» берется перепечатывать и отсылать подписчикам номера популярного журнала «Бурда». Требовалось только выслать по указанному адресу некоторую сумму денег. Доверчивых поклонниц европейской моды оказалось предостаточно. Из сибирских городов стали поступать сотни переводов, подписку на престижное издание желали заполучить красные уголки, бригады ударниц коммунистического труда в полном составе, отдельные труженицы.

Женщины… Они любили непутевого и беззаботного Валеру, который всегда свято верил, что стал жертвой обстоятельств.

Валере было, что рассказать о себе интересного. Он был руководителем вокально-инструментального ансамбля, потом поехал на БАМ, был бетонщиком, настройщиком роялей, фермером, фотографом, руководил домом культуры, экологическим центром… В его трудовой книжке было столько записей, что кадровикам пришлось вклеить в нее несколько вкладышей, и они разорились бы на клее, если бы в один прекрасный день его «трудовая» не сгорела вместе со строительной конторой, в которой в ту пору работал Валера.

У него было одно качество, отовсюду уходил со скандалом. Он умудрялся подвести или обвести вокруг пальца всех, с кем работал или общался. Однажды Валера решил стать фотографом и приехал в один из БАМовских поселков под названием Лабра обвешанный фотоаппаратами. Классного специалиста всегда видно за версту, смекнули местные герои трудового фронта и покорители сибирских просторов. Кузьмин щелкал затвором, собирал деньги с доверчивых граждан.

Когда прошло несколько месяцев, то лабровцы устали писать во все инстанции жалобы на Валеру, в том числе в дом быта «Магистраль», от чьего лица он выступал. В поселок даже прибыл парламентер, который сказал примерно следующее: «Хрен с ними, с деньгами. Но больше его к нам не присылайте».

Потом он работал в одном подсобном хозяйстве. А вылетел Валера оттуда, потому что продал племенного быка на шашлыки местным кооператорам. Тяга к земле у него была одно время настолько велика, что он уговорил три семьи взять в аренду двести га земли, открыл кооператив и посадил картошку. Но у него не получилось с техникой, которую ему обещали и все 190 га небывалого для тех мест урожая, остались под снегом неубранными.

Другой странной чертой Валеры была любовь к высоким девушкам. А среди спортсменок он особенно любил волейболисток. Ему хотелось даже баскетболисток, у которых самые длинные в мире ноги. Но однажды, достигнув определенного Эвереста в этом плане, к ним охладел.

Своей щедростью Валера легко сбивал с толку особ противоположного пола. «Сколько ты здесь получаешь в переводе на баксы? Всего сто?! Ты, которая света не видит из-за работы? Я тебе буду платить триста». Характерно, что когда Валера прогорал в очередной раз, в банкротстве дамы обвиняли кого угодно, только не Валеру. Это могло показаться странным: при его росте, возрасте и внешности – покорить столько женских сердец? А все объяснялось просто – для него была только одна проблема, которая к его малому росту никакого отношения не имела: «Главное – понять интеллектуальные запросы женщины, чтобы знать, на сколько ступенек вниз надо опуститься».

Вообще, Кузьмин был щедрой душой. В доме не было куска хлеба, а он подбирал на вокзале бездомного, кормил и одевал.

При всем этом Валера успел издать две книжки стихов. Свою первую книжку он выпустил с таким посвящением: «Моей жене, без отсутствия которой, я не смог бы ничего написать». С его подачи на БАМе развернулось экологическое движение.

Вот с таким человеком познакомился Крестовский, и, спустя всего полтора часа, сидел с ним за одним столиком в кафе. Родион был готов поспорить с кем угодно, на какую угодно сумму, что удостоился беседы с одним из самых интереснейших людей нашего времени.

– Интеллигент, не уважающий рабочего или земледельца, не видя в нем личность, – это не интеллигент, – говорил он. – Но где, скажите, справедливое отношение к самим интеллигентам? Где признание выдающейся роли этих трудяг и подвижников в сотворении всех благ нашего мира?

Другая мысль, которую он развивал была о денежном вознаграждении за работу:

– Я не хочу работать бесплатно, – говорил Валера. – В рублях не живу. Пусть платят деньги, а пойти они могут куда угодно, скажем, на выращивание цветов на Луне. У меня есть свой порог, ниже нельзя. Когда работаешь бесплатно к тебе и отношение такое же как

к рабу. Но когда платят деньги и отношение другое. Все про себя говорят: «Ему же столько платят, значит, он такой умный».

Но главный итог встречи состоял в том, что Валера обещал свести его с одним своим знакомым, предлагавшим одно выгодное дело, которое могло принести не только белый «Мерседес», но и другие существенные материальные блага.

9. Неудачная попытка

Этим знакомым был молодой человек по имени Эдик Кутузов. Несмотря на сравнительно молодой возраст он выглядел старше и солиднее по причине того, что носил усы и небольшую аккуратную профессорскую бородку. А предлагал ни много ни мало нелегально перейти границу. И без визы и загранпаспорта добраться до одного из городков на юге Германии, где открыт пункт беженцев. Зачем, спросите вы, нужно забираться так далеко от России и сдаваться в плен. Все очень просто. В этом и состояло главное зерно гениальной идеи Эдика. Перебравшись на немецкую территорию, надо было прийти на любой пункт помощи беженцам и подать туда пару поддельных справок и заявление с просьбой предоставить убежище. Поскольку желающих его получить было предостаточно, а чиновников, проверяющих документы, как всегда, не хватает, поэтому документа обычно рассматриваются от восьми до двенадцати месяцев. На время, пока ждут результатов, немецкое государство предоставляет беженцу жилье и денежное пособие от трехсот до пятисот марок в месяц. Правда, неплохо. Причем Эдик уже пару раз наезжал в Германию и теперь делал очередной наезд. Какой-нибудь хорватский или палестинский беженец, получив уведомление об отказе в виде на жительство, уезжает. Эдик же за сто пятьдесят долларов на старом Арбате купил себе новый заграничный паспорт и под другой фамилией вновь собирался подать документы, но уже в другом городе, и снова исправно в течение восьми-двенадцати месяцев получать в кассе положенное по закону пособие. Некоторые российские граждане так и жили, делая третий, а то и четвертый круг. Обзаведясь «БМВ», «Мерседесами», «Опелями» и другими машинами с красивыми и волнующими названиями. Вот эта идея и вдохновила Родиона. И он собирался пожить за границей за чужой счет.

– А чем там можно заняться? – интересовался Крестовский. Эдик честно признался, что однажды ему предложили поработать разносчиком рекламы. Пару дней он таскался с листками какой-то компании, выпускающей экологически чистые продукты питания, но потом отказался. Парни из Нижнего Новгорода, которые промышляли в том же районе, засмеяли.

Но больше всего новый знакомый напирал на то, что можно потихонечку таскать вещи из немецких супермакетов. Только потом, учил он Родиона, надо действовать осмотрительнее – реализовывать уткраденные вещи на следующий день. На что Крестовский про себя ухмылялся: «Учи ученого, ты мне только помоги туда попасть, в эту Германию, а там…» Так далеко, правда, Родион еще не загадывал. Мелко воровать, как это делал Эдик, было ниже его достоинства.

Вообще, надо сказать, что в голову Эдика не сразу пришла эта идея. История Кутузова была проста, как три рубля. На закате советской истории жил он в городе Барнауле. Учился в техникуме, увлекался рок-музыкой, подумывал о высшем образовании. Вообще-то, ему хотелось поразить мир своими открытиями. Особенно почему-то нравилась дальняя страна Австралия. Он спрашивал всех: «Слушай, не знаешь, как уехать в Австралию?» Все думали, что Эдик юный провокатор и на всякий случай советовали поступить в институт, заняться комсомольской работой.

Но тут подошло время служить в армии, а родители считали, что именно она может стать для сына настоящей школой жизни. Эдик не сопротивлялся и честно отправился на Северный флот. А дальше было до банальности просто и типично: начались нелегкие флотские будни, зуботычины «стариков». После очередного педагогического мордобоя Эдика отправили в госпиталь на поправку. Пострадавшего первогодка начальство стало уговаривать рассказать о том, кто его избил. Части позарез нужен был показательный суд над «неуставниками». Но он-то хорошо знал основной закон «Закладывать ближнего – нехо-

рошо». За несговорчивость начальство обещало после возвращения устроить ему кромешный ад. Поэтому после недолгих колебаний он подался в бега.

Оказавшись на воле и раздобыв чей-то паспорт, начал активно наслаждаться сладкими дезертирскими буднями. Впервые в жизни он понял, как здорово быть свободным и жить в огромной стране, в которой происходило, черт знает что.

Военкомы вычисляли его по месту жительства, наводили справки среди дружков и родителей, а он в это время колесил по республикам СССР, словно предчувствовал, что скоро все это станет чужой территорией. И каждый раз обнаруживал для себя, что неизменно оказывался около государственной границы, то с Турцией, то с Болгарией, то с Польшей. Это был рок.

Самой простой Эдику в свое время показалась польская граница. Там было меньше «колючки» и больше электроники. И он поехал в Западную Украину. Ему без особых приключений удалось попасть на территорию сопредельного государства.

В Польше его больше всего поразили двухэтажные электрички и он стал разъезжать «зайцем» по окрестностям. Однако, в отличие от Союза билеты здесь проверяли не тщедушные пенсионеры, а бугаи с пистолетами и наручниками. Бегал от них как мог, но в конце концов догнали и сдали в полицию.

Смекнули, что имеют дело с иностранцем. Но Эдик тогда больше всего боялся передачи в Союз, поэтому решил молчать, не выдавая гражданство. Полякам в конце концов надоели бессмысленные допросы и они обратились в Интерпол – тут-то и всплыли отпечатки кроссовок на границе. К делу подключились местные кегебисты.

Когда его доставили на польско-советскую границу, там уже с нетерпением ждали советские пограничники с ящиком водки и закуской. По неписаным правилам, та сторона, которой возвращали нарушителя, выставляла угощение своим более бдительным коллегам. Тут же возле символических столбов началась «торжественная передача». Захмелевшие поляки даже взгрустнули немного: «Старик, мы тебя чекистам не отдадим, они тебя замучают до смерти…» Но, разумеется, отдали.

…Вечер. Скорый поезд «Москва-Варшава» уже подан к перрону Белорусского вокзала. Психологи часто разделяют людей на статиков и динамиков. Статики всегда склонны к упорядоченной жизни и чувствуют себя комфортно, если пространство вокруг них хорошо организовано. Динамики же склонны к свободному образу жизни и импровизации. Без сомнения динамики – это челноки. Они потянулись на посадку. Все как один – пожилые и молодые – с почти одинаковыми, пока еще пустыми, но очень объемными сумками, в которых можно было запихнуть слона. Поистине эти огромные синевато-белые сумки челноков из стекловолокна – символ современной России. Одеты челноки в основном в спортивные костюмы и кроссовки – буднично, по-рабочему.

Родион с Эдиком были, наверное, единственными пассажирами, путешествующими без рюкзаков и баулов.

Пассажиры заполняли свои купе, раскладывали вещи по полкам, вытаскивая из сумок дорожную снедь. До Варшавы вполне можно расслабиться. Проводник международного поезда отлично экипирован, и по манерам держится не хуже чем пилот воздушного лайнера. Непреступен и важен, как испанский гранд. «Перегруз… Запрещено…», но небольшие знаки внимания в виде суммы в десять долларов делают его еще более надменным, и он вообще перестает замечать пассажиров и их багаж.

Наконец, вокзал, отхлестнув по стеклу купе искрами огней фонарных столбов, медленно отполз назад. Еще не поздно отказаться от намеченной затеи, но Крестовский был тверд в своих намерениях. Вначале Родиона посещали сомнения, тем более что в глубине души он был убежден, что никакой заграницы не существует, а просто ее придумала пропаганда, чтоб было с кем бороться и куда не пускать. Но загранпаспорт, как оказалось, все же

существовал, и с некоторыми препятствиями, особенно связанными с неизвестным происхождением, он все-таки получил. Оформили его как рабочего одного подмосковного домостроительного комбината.

Состав «Москва-Варшава» набирал ход. Проплывавшие за окнами подмосковные пейзажи сменились мало чем отличавшиеся от них пейзажами Смоленщины. Проехали Гагарин. Следующая остановка Вязьма. Под монотонный перестук колес пассажиры ведут себя по-разному. Кто дремал, кто углубился в чтение, кто напротив, предавался веселью. Эдик уплетал купленную у бабки колбасу, обсуждая едва не случившийся провал.

Мирно и мерно стучали колеса. В купе наблюдалось равенство полов. Кроме них в Варшаву ехали две женщины средних лет. Обе челноки. Через час они были уже знакомы.

Инна Викторовна – золотая медалистка, кандидат наук вошла в рынок главным специалистом проектного института, без боя сдавшего свою территорию швейной артели. Единственная кормилица пятнадцатилетнего сына, считавшего оскорбительным подрабатывать где-либо. Спасение к ней пришло в виде челночного бизнеса. Вначале, она сгорала от стыда, но со временем преуспела настолько, что ей понадобился даже «верблюд», который таскал тяжести, брал на себя на таможне часть товара и ограждал свою хозяйку от рэкета.

Она листала газету «Двое» – знакомство по переписке. Внимательно разглядывала фотки женихов. Вздохнула:

– Эх, мужики какие-то все убогие. Вот послушайте: «Ищу родственную душу, которая разделит со мной мои увлечения: дельтапланеризм, прыжки с парашютом, альпинизм. Сильную, и самостоятельную». – Потом немного помолчав, задумчиво добавила, – дельтапланеризм – это хорошо.

Четвертым пассажиром купе была бывшая мастер одного московского почтового ящика, бывалая, плотно сбитая Валентина. Она везла какие-то термостаты, три десятка бритвенных помазков, доставшиеся почти бесплатно, а также неисчислимое количество бигуди, блоков сигарет и другого годного для продажи или обмена товара.

Валентину было трудно, чем-либо удивить. Тесно? Вы еще не ездили в Турцию? Вот когда оттуда едут, везут текстиль, кожаные куртки, дубленки, вот там действительно тесно. А здесь почти свобода.

По мнению соседок, Польша раньше, чем Россия ступила на нелегкую дорогу рыночных и политических преобразований, поэтому раньше торговцы, как с той, так и с нашей стороны удачно делали бизнес на золотых ювелирных украшениях, потом на электробытовых приборах от утюгов до электростанков. Икра давала сказочный процент прибыли. Потом водка. Теперь цены почти сравнялись, и стоило больших трудов преуспеть в этом виде бизнеса.

Поздно вечером Родион вышел из купе и приткнулся в сумеречном проходе к окошку. Неоновые лампы фонарей горели мертвым светом. Он наблюдал мерцание каких-то серебряных и золотистых огоньков, то исчезающих, то возникающих снова.

Под мерный стук колес можно несколько забыться. Вокруг люди, их личная неустроенность и неопределенность, и твое собственное будущее казалось не таким серьезным. Потом пошел спать.

…Скоро граница. Проводник раздал листочки деклараций. Заполняя ее, и отвечая на вопросы, сколько гражданин везет валюты, есть ли оружие и наркотики и художественные ценности, это даже польстило Родиону, что его можно было заподозрить в чем-либо подобном. Пассажиры сидели тесно прижавшись друг к другу заглядывая в декларацию: как кто ее заполнил.

Больше всех переживала Валентина. Она сидела мертвенно бледная, ее декларация тряслась так, словно ее снизу поддувал мощный вентилятор.

Граница – дело серьезное. Проносятся по составу, сменяя друг друга, пограничники с собаками, таможенники, какие-то суровые люди в штатском. Кого-то выводят под руки. С кого-то берут штраф.

Уже перед самым визитом таможенников в купе стали забегать какие-то активисты, которые спрашивали: «Как будем договариваться с таможней: каждый за себя или сообща?» Предлагалось скинуться. Те, кто вез много «криминала», стояли за социализм: зачем мол, разбираться, надо быть всем заодно. Но трусливые носители индивидуальных ценностей ни в какую не соглашались и не хотели круговой поруки. Их соседка Валентина разрывалась между желанием подмазать и желанием сэкономить: у нее было много «криминала», но еще больше было долгов.

– Всем приготовить паспорта и багаж к досмотру! – последовал зычный голос таможенника и сердце, нырнув сначала в пятки, забилось, учащенно, как будто ты как минимум преступник, и решается твоя судьба: посадят тебя в тюрьму или нет.

Эдик, заметив волнения Крестовского успокоил его: «Родион, мы ничего не везем, нам бояться нечего».

И все же, то, что они ехали налегке, показалось подозрительным таможенникам. Крестовского отвели в сторону и тщательно обыскали. Но, кроме 100 марок, ничего не нашли. Не внесенная в декларацию валюта покоилась в плавках у Эдика.

В Бресте после переезда границы их ожидал новый таможенный досмотр, теперь уже польский. В вагон властно зашли польские таможенники в какой-то необычной красивой форме. Кто-то из пассажиров просыпал сухие сливки. «А вот и героин», – пробуя на вкус белый порошок, пошутил польский офицер. Таможенник внимательно просмотрел паспорта. Другой представитель таможни привычным и натренированным жестом профессионала склонился над Валентининой сумкой, необъятной по размерам, которую, наверное, берут для восхождения на семитысячники и оттуда гейзером вырвался ворох женского белья, шампуней, будильников, термостатов и кладка сигаретных блоков. Все замерли. «Выставить в коридор и сдать в камеру хранения», – прозвучало властно.

Потом таможенник так же величественно, как и вошел, покинул купе. После этого Валентина стояла в коридоре вагона, умоляя и бормоча что-то извиняющее. Затем, не теряя времени, пока таможенник занят вещами в соседних купе, молниеносно стала бросать невесомые кирпичики блоков сигарет Инне Викторовне и Родиону с Эдиком, которые как цирковые жонглеры ловили их и прятали под матрасы. Второй раз купе не проверяют, как сорвавшийся с виселицы считается повешенным, так снаряд не попадает в воронку ранее сделанного выстрела.

– Ну, хватит, – таможенник дал Валентине знак следовать за ним. Через некоторое время их соседка по купе возвратилась вполне довольная. Ей удалось договориться с таможней.

Между тем поезд стал набирать скорость. Все расслабились. Вагон гудит. Спустя некоторое время поезд прибывал уже в Варшаву. – Выходим, – и Кутузов пошел первым, обходя сумки и чемоданы других пассажиров.

Польша оказалась не такой уж барахолкой, которую ожидал увидеть Крестовский. На улицах было полно украшенных затейливой рекламой кафе, где кормили дешевле чем в московских столовых и забегаловках. Прошло еще несколько часов дороги и вот граница с желанной Германией. Преградой был мост, который необходимо было каким-то образом преодолеть.

Эдик ходил удрученный, дважды спускался под мост, и качал головой. В прошлый раз он перебрался на ту сторону под этим мостом по балкам фермы. Сейчас под ним была протянута колючая проволока, видно кто-то пересекающий границу этим путем попался, и пограничники укрепили границу.

– Что будем делать? – спросил Крестовский.

– Делать нечего. Ночью придется вплавь перебираться через реку.

Эдик знал несколько «окон» – бродов, где можно было, перебраться с одного берега на другой, не рискуя нарваться на пограничный пост.

– До брода двенадцать километров выше по течению. В ближайшей лавке они купили большие полиэтиленовые мешки, чтобы не намочить багаж во время водной переправы. Темноты стали дожидаться в придорожных кустах.

Когда на небе зажглись первые звезды, они тронулись в путь. Это было достаточно просто, так как дорога шла по брегу реки. До перехода оставалось уже вероятно немного, как неожиданно их осветила неизвестно откуда появившаяся машина. Бросились в рассыпную. Крестовский залег в придорожный кювет. Машина остановилась совсем рядом с ним. Польские пограничники вышли из машины, с ними была собака. Собак Родион не любил и знал, что она его найдет все равно, поэтому по своей инициативе выбрался из кустов и поднял руки.

Пограничники посадили его в машину и повезли в комендатуру. По дороге Родион рассказал пару смешных анекдотов, чем сразу расположил к себе. На допросе он держался версии, что путешествует, сбился с дороги и случайно оказался на берегу реки. И его отпустили.

– Кто же там переходит? – говорил на утро в кемпинге местный администратор. – Знаю я тут одно местечко километров в восьми отсюда, – и вопросительно посмотрел на Крестовского.

Родиону пришлось дать ему сорок марок, но зато он получил заветный план, где крестиком было показано место гипотетического перехода границы. Что такое восемь километров для молодых ног и целеустремленного человека?!

Но на том самом месте, как специально, Родиона дожидался молодой пограничник. Представитель польской власти долго расспрашивал, откуда, куда и зачем он собирается идти. Когда казалось, стало совсем не о чем рассказывать, наш путешественник понял, что молодой человек нуждается в материальной помощи. Он отдал ему энную сумму и они пошли в разные стороны.

Боязни больше не было. Распирала обида, и появился азарт. Все рассказывали, что границу нелегально переходят каждую ночь сотни людей. Поляки каждый день продают сигареты в Германии и к вечеру возвращаются обратно, ему об этом Эдик прожужжал все уши.

– Тридцать марок и я тебя довезу в надежное место, где ты прогулочным шагом перейдешь границу, – уверял Крестовского один таксист-поляк.

– Ладно, по рукам, – Родион решил так просто не сдаваться.

…Вода в реке оказалась холодной, а течение сильное. Пришлось плыть, несмотря на течение, которое относило его далеко от того места, куда он наметил переправиться. На немецкий берег вылез замерзший. С трудом натянул на мокрое тело рубашку и джинсы. Надо было торопиться. Родион хорошо усвоил правило, надо как можно быстрее покинуть пограничную зону. Но через пару километров он уперся в какую-то проволочную изгородь, и решая, как преодолеть неожиданное препятствие дотронулся до нее рукой. Неожиданно его ударило током, и он покатился по траве, бросив багаж. Крестовский, как оказалось, наткнулся на электроизгородь фермера.

– Остановайс! – раздалось над самой головой. Родион в душе даже был искренне доволен, что его мучения, наконец, закончились. Видно не судьба.

В сухой и чистой камере, куда его поместили, к надписи на стене: «Здесь был Коля из Орла». Родион доцарапал собственное имя.

С впалыми щеками, без валюты, реквизированной в пользу Германии, искатель лучшей жизни, вернулся в Москву.

Через пару недель к Родиону приехал Кутузов. Он сообщил, что добирается к себе в Волгоград и просил хотя бы немного денег на дорогу.

– А ты то как? – полюбопытствовал Родион, вручая Эдику небольшую сумму денег, со словами. – Чем могу.

– Как я? По-разному. – И Кутузов рассказал, что ему удалось все же пересечь границу. До Берлина его довез за двести марок один таксист, получивший от него деньги вперед.

Там решил сдаться властям. Двое суток пытался это сделать. Но не тут-то было, показывая всем встречающимся полицейским свой подмоченный в воде при переправе паспорт и пытаясь объяснить свою ситуацию Эдик слышал в ответ только «русиш посоль», куда ему идти совсем не хотелось. Потом, наконец, его задержали за бродяжничество и сдали все-таки в русское посольство. Там с Эдиком разговаривать много не стали, сказали: как сюда попал, так отсюда и выбирайся. И пришлось на перекладных добираться вновь до Польши. Но польские пограничники ни в какую в начале не хотели впускать его в страну. Пришлось вывернуть все кармана и отдать последние марки. Ну, а попал на Украину, так это уже считай, как дома в России. И вот он здесь.

10. Что делать дальше?

В последнее время нашего героя явно преследовали неудачи. Знакомый комендант общежития, где Родион незаконно занимал комнату, ушел на пенсию, а пришедший ему на смену требовал ее освободить. Не соглашаясь даже на заманчивые посулы Крестовского платить больше и не только на счет института.

Да, жизнь явно не клеилась. Богатство определенно не шло ему в руки. Он даже стал успокаивать себя, тем, что жизнь – это только повод для мемуаров. Она скорее несущийся поезд, который развозит нас по разным станциям судьбы: кого-то на нары, а кого-то в кресло депутата или президента. Но у каждого обязательно будет конечная станция. Жизнь в России именно и смахивала на такой поезд, где все непредсказуемо и нестабильно. Сегодня ты герой, а завтра, враг, которого надо изничтожить.

Что касается крыши над головой, то каждый сам кузнец своей жилплощади. Нищему пожар не страшен. Эти мысли немного согрели. Теперь, как никогда до этого, в голове у него вместо знаменитых российских вопросов «Что делать? И как жить?» Крутилось: «Где жить и что есть?»

Он не боялся начинать жить сначала и следовал «правилу 50» – не получилось, начинаю снова – одна попытка, вторая, третья… пока хватит сил.

Охота к перемене мест существует у многих. И это не связано лишь с периодами войн или политических катаклизмов. Снимаясь с насиженного места они полагают, что станут богаче, счастливее и здоровее в других краях. Людей, легко меняющих свое место жительства, аналитик Карл Густав Юнг назвал когда-то экстравертами. Экстраверт – это индивид, сознание которого обращено, по преимуществу, во внешний мир, – в отличие от индивида, замкнутого, главным образом, в себя, интроверта. Духовное пространство интровертов и экстравертов могут не совпадать и отсюда часто возникает противоречие, неприятие, отторжение.

Установлена еще и такая закономерность, что личность экстраверта и его сознание наиболее гармонично вписаны в структуру рыночных отношений. Ибо рынок – это прежде всего постоянное и интенсивное взаимодействие людей без посредства государства и его институтов.

Но бросим это научное изыскание. Вернемся к нашему герою. Если не быть обремененным постоянной работой, быть свободным, то каких только интересных встреч не бывает.

…Здесь на этой большой подмосковной народнохозяйственной свалке Родион оказался совершенно случайно. Свалка представляла собой огромное поле, изрядно заросшее кустарником и редкими деревьями. Кое-где дымились кострами очаги цивилизации, здесь были люди. На свалке найти можно все. Такая уж година. Комплекты золотых украшений, колец, кулонов, цепочек.

Крестовский познакомился с обитателями дна. Первыми его знакомыми были муж и жена. Как понял Родион, брак у них был гражданский.

– А я не бомжиха. Упаси Господи! Я женщина порядочная. У меня квартира в Москве на улице Руставели.

– Если бы не свалка, я бы голая сидела. А так, одета, обута. Книги, журналы – я все беру и дома читаю. – И она сняла перчатку и неожиданно продемонстрировала эффектный пунцовый маникюр. – Здесь нашла. А духи?! Вот, – достала она флакончик. – Сирия! Запах роскошный. А сколько раз я золото находила!

– Везет вам.

– По гороскопу я Телец, а Тельцы притягивают к себе драгоценные металлы. Помню, в прошлом году пенсию задержали. Был ноябрь. Холодно. Так вот, пришла сюда и тут же нашла золотое толстое обручальное кольцо, но продать пришлось за бесценок. Серебряные ложки находила. Тут недавно подошла к мусорке, а там два бомжа копаются. Пришлось подождать. Они отошли, а я только мусор слегка копнула, а там часики дамские, и даже ходят. Вот, смотри, – и она продемонстрировала симпатичные часы на руке. – Я же Телец!

Для ее спутника пределом мечтания было найти большой лист меди.

– За килограмм меди дают 12 долларов, – поделился он информацией с Крестовским, – за кило алюминия – четыре.

У него был магнит. Если железка липла к магниту – то она не нужна была даже на свалке. А вот если магнит не тянулся к находке, – заслуживала самого пристального внимания.

– Вы, наверное, здесь богачи! – воскликнул Родион.

– Да какой там. Иногда неделю ничего не попадается кроме медных пуговиц.

Тут произошло одно знаменательное для свалки событие – прибыла очередная машина, и не просто машина, а фургон с куриными окорочками. Не успел он свалить свой груз и скрыться за придорожной полосой, как на вываленную кучу окорочков устремилось все живое. И началась великая битва. Обнаглевшие крысы величиной с дворнягу в пылу пиршества совсем не боялись рычащих и голодных бродячих собак, а собаки в свою очередь не хотели уступать добычу одетым в лохмотьях двуногим существам. Скорее всего это кончилось бы большой кровью, если бы не раздавшийся неожиданно человеческий крик, похожий на вой и милицейскую сирену. Крик был так страшен, что сигналу опасности вняли и звери и люди. Тем временем мужик одетый в затрапезную брезентовую штормовку с капюшоном, в затертых брюках неопределенного цвета и старых видавших виды сапогах, гордо прошествовал к куче с окорочками и стал делить по своему разумению добычу.

Через некоторое время Родион, заинтересованный этой важной на местной свалке личностью, познакомился с ней. В морщинах лица и руках «дяди Коли» поселилась вечная, ничем не смываемая грязь.

– Как же вы здесь живете? – спрашивал Родион у нового знакомого. – Давно вы здесь?

Дядя Коля оказался на этой свалке ровно 20 лет тому назад, скрываясь от общества, которое уже не раз изолировало его от себя. Дядя Коля работать на благо Отчизны никак не хотел, а это совсем не вписывалось в моральный облик условно освобожденного строителя коммунизма. Вот он одним махом и решил все свои проблемы: удалился от общества, и удовлетворил все свои насущные потребности в еде и одежде.

– Я сначала думал, что минута стыда обеспечивает спокойную старость. И вот я здесь, – с начала этой свалки.

На что Родион глубокомысленно произнес:

– Жизнь – сложная штука.

– Наши свалки и мусорки куда богаче заграничных. Ты слышал, чтоб в сытой Европе выбрасывали на свалку золото, валюту. Тот-то. Да они удавятся от жадности.

– А не скучно здесь?

– Почему? – вопросом на вопрос ответил дядя Коля. – Ты считаешь, что изоляция и творчество – несовместимые вещи? Вивальди, говорят, работал запертый в женском монастыре, а какую музыку писал! Мусоргский вообще сидел в дурдоме.

Принципы дяди Колиного свободного общения с природой подразумевали полную независимость от всякой сознательной деятельности. Кроме того, даже здесь нередко проходили облавы, и Коля боялся раскулачивания, поэтому у него, как у солдата, все было просто и готово к внезапному маневру. Дощатый шалаш, покрытый кусками брезента служил ночлегом и укрытием от непогоды. Его походное приусадебное хозяйство напоминало

нечто среднее между задворками склада стеклотары и партизанской базой последней войны. Пустые бутылки были единственной твердой валютой, которой он располагал и расплачивался с пронырливым свалочным людом, которые имели связь с внешним миром.

Все дни для него были заполнены охотой и собирательством. Охотился он на ворон: их мясо – хорошее подспорье к найденным в горах мусора консервам и гнилым овощам и фруктам. Помимо консервов он собирал бутылки и кирпич. Бутылки можно было сдать, а кирпич по сходной цене продать дачникам. Иногда дядя Коля занимался общественно полезным трудом: перебором мусора, за который местное начальство платило небольшие деньги.

Было время, когда дядя Коля вкалывал строителем, и построил не одну пятиэтажку для сердобольных россиян, которые теперь бросали недоеденные батоны и сырки в помойные ведра, чтобы мусоровозы доставили свежий харч к дяди Колиному столу.

– Угощайся, – радушно предложил он Крестовскому куриные окорочка, которые обжарил у своего бивака на костерке. – С запашком, но червяков еще нет. Есть можно.

– Спасибо. Не хочется.

– А ты случайно не еврей?

– Почему еврей?

– Потому что во всем виноваты евреи и американцы.

– Это почему же они виноваты?

– Почему-почему? Потому, – произнес он, наливая себе полстакана водки. – Опять нас облапошили. Союз развалили. Чечню устроили. Теперь вот сексом развращают. Это их происки. А кто сейчас у власти? Одни евреи.

– Легко искать крайних! Надо радоваться жизни. Есть же в ней и хорошие моменты. – А чего хорошего. Вон всех до нитки обобрали. Ваучеры! Ваучеры всем по справедливости. Где она справедливость?

– И что же у тебя украли?

– Не все конечно, но так несправедливо. Кто был у кормушки тот и поимел. А большинство получило пустые бумажки.

Крестовский на это нечего не ответил.

– Вчерась вон из леспромхоза на огонек забрели трое мужиков – так ели окорочка за обе щеки. – И с понятием государственного человека добавил. – Им, говорят, третий месяц зарплату не выдают, а есть-то, хочется. Все-таки я не самый бедный человек на Руси, раз ко мне ходят подкормиться.

Крестовский по наивности спросил его:

– А чего ж ты, дядя Коля, не хочешь вернуться и взять землю?

Дядя Коля ответил весело улыбаясь:

– А мне здесь нравится. Тут однажды один мужик на иномарке с охраной приехал. Новый русский. Поругался с женой. А та в отместку возьми, да выброси кейс, весь набитый долларами. Ну, вот он и пообещал отвалить половину тому, кто его найдет. Здесь, знаешь, какой бум был, когда искали этот чемоданчик.

– Нашли?

– Да нет. Но каждый хотел из грязи вылезти в князи.

– А если нашел и втихую…?

– Здесь несколько неписанных правил. – Прервал он его. – Интересная, многообещающая находка должна быть вскрыта прилюдно. И она принадлежит тому, кто первый нашел.

Тут Родион подумал, что было бы, если кто-нибудь нашел тот самый кейс с долларами, неужели все ему и достанется. Алчный блеск глаз блуждающих по свалке людей говорил, что сотоварищи готовы восстать против такого счастья в одни руки.

– Думаешь, газет не читаю? Да на свалке столько всякого чтива, весь каталог Союзпечати.

– Дядь Коль, а может у тебя с документами не в порядке, – заподозрил Родион в стойкой неприязни к мирской жизни.

– Как же, вот! – и протянул Родиону замусоленную бумажку, в которой было написано: «Справка. Выдана гр-ну Степаненко Н. Т. в том, что он ошибочно родился в 1932 году. Справка дана для определения возраста». Паспорт у него был тоже какой-то странный – помимо своей фотографии, он зачем-то поместил на соседней странице нарисованный не очень умело портрет Леонида Ильича Брежнева.

– Давай, выбирайся отсюда. Возвращайся! Дядя Коля засопел в свою грязную, не расчесанную бороду, давая понять, что ни на какую пропаганду не клюнет.

– А страшно. Если молодые мужики оттуда ко мне жрать приезжают, если на шоссе, что ни ночь, а стреляют. Скажи, нужна такая жизнь там?

– Подумай, дядь Коль.

– Я человек земли, – он легко поднялся с корточек, – живу здесь, у друзей и просто хороших людей. – И дядя Коля направился к тому месту свалки, где по его расчетам вот-вот должна подъехать машина с очередной порцией мусора и отходами.

Уходя с этой свалки, Родион размышлял: «Как человек неприхотлив, легко приспособляется к любой жизни, даже здесь на свалке. И как мало ему надо для счастья».

В тот же вечер, прихватив по дороге хлеба и бутылку молока, он приехал в общежитие, поставил на газовую плиту чайник, налил молока… Пил с большим наслаждением.

Погружаясь в сон, мы освобождаемся от власти логики и рационализма. Тогда и появляется из глубин подсознания причудливая смесь пережитого и фантастического, желаемого и противного желанию. Ночью ему приснился сон. Будто он вошел в белые своды.

Было очень красиво и торжественно. Однако, когда стал искать выход, обнаружил, что его нет. Куда ни ткнись, везде только белые стены и понял, что попал в замкнутое пространство и должен погибнуть. Он прижал ладони к стене, поднял голову вверх и стал просить повременить, у него есть еще дела на земле. Он молил и молил о продолжении и снова шел, перебирая руками по стене. И вдруг увидел: своды расступились. Его выпустили…

Проснувшись поутру в комнате общежития и прибрав за собой постель, Родион дал зарок: стать в Москве ответственным квартиросъемщиком. Он понял аксиому, что без жилища человек существовать не может. Квартиры здесь все-таки есть. Любые – с ванными сидячими и лежащими, с биде и кафелем, с клопами и без клопов, в виде сталинских апартаментов и хрущоб, блочных малометражек, панельных клетушек или даже особняков. Крестовского занимала только одна мысль, как овладеть девственно пустующей жилплощадью.

И он занялся поиском квартиры или комнаты.

11. Приходите завтра

Столица настолько равнодушна к тем, кто занимает в ней место гостя, погружена в себя, что здесь вам охотно дадут жить и умереть, не интересуясь, имеете ли вы на это право или нет.

Сколько людей в Москве страдают от нехватки жилья? Тысячи, десятки тысяч людей. Никак не меньше, а может быть даже и больше. Человек мучается, ищет квартиру, внимательно читает объявления, осматривает фонарные столбы на остановках, обильно обклеенные объявлениями. Ветер треплет бумажную бахрому с номерами телефонов. «Меняю». «Продаю». «Сниму». И – очень редко: «Сдаю».

Крестовский искал комнату, внимательно изучал предложения рынка. То не подходил район, то было слишком дорого. В деле столь ответственном, как съем, Родион не советовал бы слепо доверяться объявлениям на фонарных столбах типа: «…и горячий кофе по утрам». Бесплатным сыр бывает только в мышеловке. Не долго сбить ноги, проверяя наличие заочно обещанных удобств.

Здесь конечно может помочь агент, беря хлопоты на себя в этом деле. Но за хлопоты, естественно, надо платить. Как понял Родион, и целая армия посредников промышляет в столице этим бизнесом. У них легкие ноги, острый глаз, они, как спортсмены на коротенькие и длинные дистанции преодолевают рубежи, как ниндзя просачиваются и неуловимы для налоговой службы. Но это уже проблемы сборщиков налогов.

И вот, удача, наконец, улыбнулась ему. Сдается комната в двухкомнатной квартире. И место удобное: недалеко от метро, и телефон есть. Он аккуратно сорвал узкую белую полоску с заветным номером и торопливо стал звонить по указанному телефону. Он первый, который сорвал эту полоску с объявлением. Поэтому есть надежда, что именно он станет жильцом этой комнаты.

– Алло! Я по объявлению, – представился он. – Вы комнату сдаете?

В трубке мягкий голос пожилой женщины ответил:

– Да, сдаю.

– Я хотел бы снять.

– Что ж, приезжайте прямо сейчас, посмотрите. Вам, на какой срок?

– Полгода, год. Сколько можно?

– Очень хорошо, – ответила женщина. – Меня это устраивает. Беру я дешево…

Плата была вполне приемлемой.

– Знаете, как добраться?

– Знаю. Он летел, как на крыльях, по указанному адресу. Не опередил бы кто.

Дверь ему открыла симпатичная старушка, одетая в халатик, на ногах мохнатые тапочки. С хозяйкой он договорился быстро. Заплатил, как она попросила, ей сразу за два месяца вперед.

Задаток, как скромно попросила она его указанную сумму. Он не возражал. Какая разница, когда платить. Тем более, названная сумма у него как раз была с собой. По нынешним временам это разве деньги?

– Завтра можете придти за ключем и переезжать, только предварительно позвоните, – предупредила она Крестовского мило улыбаясь, закрывая за ним дверь.

Родион стал ей звонить на следующее утро. Голос в трубке тот же, но какой-то сухой, болезненный.

– Знаете, я сегодня в таком состоянии. Давление подскочило… Бревном лежу. Позвоните через пару дней.

Крестовский позвонил через пару дней.

– Никак не очухаюсь. Дня три еще дайте прийти в себя. Вы не волнуйтесь только – наш уговор остается в силе.

Он позвонил через три дня.

– Ну, опять никак не могу вас принять. С мужем поссорилась, позвоните через недельку…

Родион ждал неделю. Опять ссора хозяйки с мужем. Потенциальный квартиросъемщик начал слегка нервничать. Он уже объявил коменданту о своем съезде. И тот чуть ли не каждый день стал интересоваться, когда это произойдет. Когда же наконец, он освободит комнату.

А по телефону снова шли отговорки. Поводы были разные – позвоните через три дня, позвоните через неделю. И, наконец:

– Вы уж простите, пожалуйста, но, наверное, ничего не получится. Приезжайте завтра – я вам деньги верну.

Опечаленный и расстроенный впустую потраченным временем и надеждами, Крестовский отправился к хозяйке комнаты. Приехал и стал звонить в дверь, но никто не открывал, в квартире все как вымерли. Постояв минут пять он выругавшись про себя, ушел. На следующий день Родион через каждые полчаса пытался связаться по телефону с неуловимой хозяйкой. Но долгие гудки, свидетельствовали, что никого нет дома. Что ему оставалось делать? Плюнуть на деньги или идти в милицию.

Как ему было вести себя в этой ситуации? А если она куда-нибудь надолго уехала. Жалко конечно денег. Не караулить же ее сутками под дверьми. Неужели она его дурачит? А может это нелепое стечение обстоятельств? А здесь милиция. Все же выбрав день Родион вечером после опять нескольких безрезультатных звонков отправился по указанному адресу. Все повторилось, как и в прошлый раз. Напрасные звонки. Только в этот раз неожиданно к нему пристал тип, который стал интересоваться, не проживает ли Крестовский в этой квартире. Это оказался такой же бедолага. Попавшийся на крючок предприимчивой старушки.

– Что будем делать? – поинтересовался наш герой. – Может, пойдем в милицию?

– А как мы докажем, что давали ей деньги? Да и потом затаскают.

– У вас как с пропиской? Все в порядке?

– Ну, эти деньги к богу в рай!

…Спустя некоторое время Родион встретил ту самую старушку и грозно на нее посмотрел. Та, молча и безропотно вернула ему деньги.

– То-то же. «Интересно сколько человек она таким образом обманула», – думал он засовывая деньги в карман.

А жилплощадь Крестовский в конце концов снял. Познакомился с одним пенсионером и спустя несколько дней он вполне за пристойную цену стал обладателем ключей от однокомнатной квартиры на окраине Москвы.

За стенкой жила тихая молодая пара. Зато едва ли не каждый вечер над головой в квартире внятно звучала далекая африканская речь, песни далекого Сенегала, женский смех или плач, перемежаемый отборным матом. Звоном разбитой посуды. Африканцы гуляли совсем по-русски, по-купечески. В крови у Крестовского закипало чувство классовой ненависти. Хотелось подойти к соседкой двери, и подложить гранату.

Первое и последнее официальное лицо, проявившее интерес к Родиону, как жителю Москвы, был участковый инспектор.

– Стало быть, квартируем? Стало, быть, без прописки? – разглядывал он документы Родиона. – Нехорошо, – и посмотрел в глаза Крестовского особым проницательным взглядом. Именно таким, которыми чекисты в советских фильмах про войну окидывали шпионов, не желающих сознаваться, что они шпионы.

Взгляд участкового профессионально оглядел немудреную обстановку комнаты. Задержался на зажигалке «Мальборо», лежащей на столе.

– Сувенир, – Крестовский протянул ему понравившуюся зажигалку.

– Не курю, – отрезал тот. Но, немного подумав, добавил, – а вот шурин курит. И зажигалка исчезла в форменной куртке старшего лейтенанта.

«Почем нынче честность?» – так и подмывало спросить Родиона. Но остановил себя: «Ну, а кто мы все, как не физические лица, которые и при небольшой капле фантазии легко превращаются в подозреваемых».

Несмотря на сувенир, милиционер все же помнил о своем долге – штраф за нарушение паспортного режима выписал. Больше он в квартире не появлялся. Хотя мог бы зайти, опорный пункт располагался в соседнем доме.

Хозяин квартиры, человек трезвомыслящий, заколачивал деньги, торгуя иногда бесплатно полученной от государства квартирой, и ни с кем добычей делиться не собирался. Он был нормальным мелким домовладельцем, с нормальными для рынка инстинктами и повадками. Их отношения, не скрепленные штампиком в паспорте, могли бы длиться долго. Но однажды домовладелец решил перевести расчеты в иное русло, взвинтив цену в полтора раза. Дурной пример соседей, сдававших квартиру иностранцам, оказался заразителен. «Инфляция» – извинялся пенсионер. В общем, с квартиры пришлось Родиону съехать.

Он уже заметил, что как только жизнь его припирала к стене, и брала за горло, судьба услужливо находила ему выход. Помог все тот же Валера, который уже успел обзавестись жильем в виде однокомнатной квартирки.

– Проблемы с жильем?

– Проблемы.

Валера протянул ключи от своей холостяцкой квартиры, сказав:

– На, бери. И живи полгода.

– А ты?

– Я в Сибирь, начинать новое дело.

На новой квартире первым делом Родион разложил на видных местах фирменные зажигалки и блоки сигарет. Но никто к нему не пришел поговорить за жизнь, поинтересоваться уровнем дохода. Москва – большой город и здесь никому нет дела до других.

Услышав за стенкой музыку, понял, что соседи вернулись домой. Ими оказалась молодая семья с маленькой дочкой. Через полчаса он знал их по именам, а еще через несколько дней почти все, чем они живут вечером…

Ужин, телефонные разговоры с близкими и друзьями. Полночь, ритмичная музыка и поскрипывание кровати… Несколько минут душа. Тишина.

И каждый вечер, лежа перед сном, Родион высчитывал, сколько ему лет понадобится, чтобы заработать на такую квартиру, обставить ее, а затем привести звонкоголосую молодую жену, как та, которая спит с соседом через тоненькую стенку. И выходили у него какие-то нереальные цифры и нереальные годы. А как же белый «Мерседес»? Так, из спокойного, уравновешенного человека Крестовский вполне мог превратиться в завистливого неврастеника.

12. Поиски работы

Родион решил всерьез заняться поиском достойной и самое главное постоянной работы. Именно работа избавляет от трех великих несчастий: скуки, порока, нужды. Но прежде чем ее искать, надо понять, что ты хочешь и можешь.

Если ты умеешь считать деньги – ты счетовод. Если деньги – единственное, что ты можешь выручить за то, что ты есть, – ты бедняк.

Устроиться работать в престижную западную фирму? А почему бы и нет? Например, может ли человек устроиться на работу по объявлению, сорванному со столба или прочитанного в газете?

Вначале он купил несколько газет и стал изучать рынок предложений. Однако был вскоре разочарован. Страна остро нуждалась в финансовых директорах, менеджерах, задыхалась без бухгалтеров, требовала неимоверное количество региональных представителей нефтяных и газовых фирм. Кроме того, мало-мальски подходящие вакансии требовали непременное «в/о» и «опыт работы».

Налицо был дефицит квалифицированных краснодеревщиков, паркетчиков, сварщиков, барменов и поваров.

Наконец, выбрав несколько довольно заманчивых предложений, он сел за телефон и стал туда звонить.

По телефонам, куда он звонил, сидели люди, обещавшие его озолотить, но державшие в секрете, за что собственно это они собирались сделать.

– У нас очень интересная и даже творческая работа, – часто говорили по телефону. В другой раз из телефонной трубки допытывались: «Вы студент?» Голос был строгим и приятным, наверно так разговаривала первая учительница со своим учеником. «Уже нет», – отвечал Родион. Дальше «учительница» заученно затараторила: «Два года президент нашей фирмы…, – и дальше следовало что-то неразборчивое, – принял решение продвигать на российском рынке…, – и далее следовало что-то опять неразборчивое…, – при самой передовой технологии. Если вы приедете на нашу презентацию, которая состоится». Дальше речь шла о вступительном взносе и каких-то налогах на развитие. «А откуда взята цифра в 300 долларов?» – поинтересовался Родион. «Вообще-то все вопросы не по телефону, – важно отрезала девушка, – но столько зарабатывают многие сотрудники нашей фирмы».

Круг сужался, но ему все не везло. Энтузиазм вызывали только объявления типа: «Работа для оптимистов и энтузиастов. Бесплатное обучение для нового русского». «Требуются люди, умеющие хорошо жить и зарабатывать». «Инофирма. Работа от 1000 долларов». Родион с удивлением для себя отметил, что практически все аналогичные фирмы с предложениями такого рода имеют сходство в названиях с неизменным присоединением «Клаб интернейшнл». Оказалось, что эта компания любезно приглашает всех желающих к себе на работу.

Почему многие люди предпочитают личное общение разговору по телефону? – думал Крестовский. – Наверное, при общении больше значат не слова, а интонации, жесты и мимика. Одно движение или выражение лица могут порой полностью изменить смысл произнесенных слов. Увы, сделал неутешительный вывод Родион, для таких, как он.

Итак, как все же устроиться на работу? Конечно первый шаг – это биржа труда. Взамен сданной анкеты Крестовскому предложили два списка вакантных мест. Вопреки его пессимистическим ожиданиям выбор оказался не таким уж плохим. Больше всего был спрос на токарей и менеджеров по рекламе, но попадались и оригинальные профессии. Например, «консультант по красоте» – обучение три дня за счет фирмы. Но, к сожалению, только для женщин.

Он, в конце концов, остановился на маркетологе литературы. Образование любое, неполный рабочий день, заработная плата вроде неплохая… Единственное «но», он совершенно не знал, чем занимаются маркетологи. После подробного объяснения стало ясно, что работа состояла в том, чтобы ездить по издательствам и собирать информацию о том, какие книги готовятся к изданию.

В одной торговой фирме Крестовского брали на должность консультанта. Причем попал он туда в ходе сложной телефонной комбинации, в которой всплыл некий Алик, по счастливой случайности работающий в одной солидной фирме. «Извини, старик, страшно занят, – с ходу заявил Алик, – завтра утром уезжаю в Минск. Но это ничего, приходи, старик в контору. Я предупрежу».

Надо ли говорить, что он никого не предупредил. Но это не помешало обитателям солидной фирмы принять Родиона с максимальной любезностью. Фирма не требовала ни трудовой книжки, ни рекомендации с прежней работы. Как полагается, первым делом он решил узнать, какой будет его зарплата. На собеседовании ему бодро ответили: проценты от сделок. Но сразу же заверили, что даже самые посредственные и вялые работники имеют по меньшей мере 300 – 400 долларов. Родион вялым себя не считал, а потому без тени сомнения ринулся в море бизнеса. Выданная ему анкета, по мнению Крестовского, изобиловала и изобличала своих авторов в нездоровом любопытстве: «Состоите ли вы в браке?» «Сколько раз вы были за границей?» «Оцените по десятибалльной шкале степень вашей коммуникабельности».

Деловую часть анкеты он заполнил без особого труда и угрызений совести. Когда Родион дошел до графы: «образование». «Самоучка, – гордо подумал он про себя. – Ведь изобретатель велосипеда тоже нигде не учился. Но на всякий случай, благоразумно написал: «высшее», правда, не уточнив какое. Человек, ищущий работу, почему-то всегда больше всего озабочен тем, чтобы скрыть свое истинное лицо. Вместо того, чтобы быть откровенным, он старается понравиться работодателю, стремится угодить ему и часто переигрывает. Итак, его анкетные данные представляли собой молодого мужчину в возрасте 33 лет, холостого, имевшего высшее образование, не служившего в армии, владеющего иностранным языком со словарем.

Родиона устраивала работа не менее чем на 300 долларов в месяц в любое время, в том числе неквалифицированная. На непроницаемом лице принимающей его девушки не было написано ничего – с одинаковым успехом можно было бы издать радостный вопль: «Как, у вас нет с собой трудовой книжки и копии диплома? Так немедленно несите, вас так не хватает», как впрочем, и унылое: «Ждите ответа. Мы известим вас дополнительно». Ему действительно посоветовали ждать.

Кроме обычных данных, над которыми Крестовскому немного пришлось поломать голову, он указал специальность, по которой хотел бы работать.

Офис другой фирмы находился на улице Волхонка. Близость к святыне – Кремлю и Красной площади исключало возможное мошенничество. Родион пришел на собеседование. За столиком сидели люди и заполняли анкеты. Сверху на анкетирующих с хитрым прищуром взирал Ильич. Его портрет висел на стене. Крестовскому тоже дали анкету.

– Вам, молодой человек, очень повезло, то есть повезет, если вы пройдете тест, – хрипло, но бодро сказала пожилая женщина, принимавшая его анкету.

С ее дальнейших слов он представил себе и свое светлое недалекое будущее полное благополучия. Фирма была мечтой. Деньги – сны Веры Павловны. Работа – сплошное творчество. Встречи – с интеллигентными людьми творческих профессий. Коллеги – золотые люди. Отпуск – Багамские острова.

Женщина долго играла на его «утомленных» продолжительным поиском работы нервах. Прощаясь, она обещала позвонить, если его данные подойдут для требований фирмы.

Выходя за порог фирмы, Крестовский был в приподнятом настроении, ему хотелось верить, что это божий промысел, и осталось только идти навстречу богатству.

Не будем томить ожиданием уважаемого читателя. Позвонив через несколько дней на фирму, Крестовский узнал радостную новость – он может быть принят на работу. И ему надо срочно явиться для подписания контракта.

Спустя час Родион был на месте будущей работы.

– Хорошо, что вы пришли. – На это раз с ним беседовал мужчина, – у вас большие перспективы. Но в начале вам нужно купить у нас специальную лицензию.

Оказалось, что лицензия стоит 100 долларов, а работа состояла в распространении «Герболайфа». «Герболайф»! Многие, наверное, думают, что он умер, и им можно пугать только детей на ночь. Но оказывается «Герболайф интернейшнл» был жив, и пройти мимо него в поисках работы было просто невозможно. На следующий день ему предложили придти на собрание будущих герболайфщиков.

…Богатство «Герболайфа» не дает покоя огромному количеству людей. В основном мужчинам и женщинам преимущественно зрелого и предпенсионного возраста. Несколько десятков распространителей этого препарата в приподнятом и возбужденном состоянии блуждали вокруг столов, расставленных в небольшом зале со сценой. Столы были завалены рекламными газетами, как оказалось, именно через них герболайфщики рекрутировали новых членов в свою организацию. За столами сидели не менее довольные спонсоры и супервайзеры. На другой стене висело полотно, на котором Ильич, самый удачливый супервайзер начала 20-го века, что-то доказывал обступившим его матросам.

Между тем, действо началось. На сцену вышел мужчина в с микрофоном. Внешне он имел облик нового русского: малиновый пиджак, белоснежную сорочку и сияющие дорогие ботинки черного цвета. Внешнее впечатление несколько портил малый рост гражданина. Мужчина попросил всех новичков подняться к нему на сцену. Заиграла музыка.

– Давайте поприветствуем наших новых друзей по-герболайфски! – крикнул он в микрофон. В зале началась истерическая овация. Хлопали минуты три. Потом мужчина в малиновом пиджаке вновь обратился к залу немного развязно:

– Зачем вы сюда явились?

– Денег бы заработать, – не выдержал кто-то.

– Да, да! Вы правы! Именно денег! Вы хотите зарабатывать деньги! – возбужденно выкрикивал малиновый пиджак. – Я вас хорошо понимаю. Наша компания дает вам уникальный шанс стать богатыми. Вы, верно, сделали свой выбор!

Через некоторое время Крестовский невольно заметил, что стал ликовать вместе со всеми по любому поводу.

Малиновый пиджак тем временем сделал новое заявление: «А сейчас, я хочу вам представить нашего коллегу…, который заработал уже 150 тысяч долларов всего за 10 месяцев. Кучу денег! Меньше года как он вот так стоял как и вы. Был нищий. Спал в гараже, укрывался газетами. Теперь у него квартира в центре Москвы. Он ездит на „БМВ“, поприветствуем его!»

Моложавый мужичонка с манерами официанта выбежал на сцену и раскланялся. Сдерживаться уже не было никаких сил. Все вскочили и стали в возбуждении хлопать в ладоши от радости, как будто это именно они заработали столько денег, и так хорошо стали жить.

– Вы верите в удачу? Чувствуете, как деньги уже хрустят в ваших руках!

– У-у-у! – одобрительно завыл зал.

– Чувствуете запах денег?

– У-у-у! – зал завыл еще громче.

– Да-а-а! – Здесь все слова пахнут долларами. Почувствуйте как благоухает ваше будущее. Записывайте все, что здесь услышите. Даже если вы уже это слышали несколько раз,

все равно записывайте. Ибо как подсчитано в нашей компании, каждое слово – это 10 процентов дохода.

Рассевшись на стульях, все склонились к своим блокнотам. – А сейчас мы вам продемонстрируем слайды. На сцене включился диапроектор, и на экране появилось изображение шести прямоугольников разной величины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.